

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

1995

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия, Испания)	3
Д. С. Лихачев. Два типа границ между культурами	4
В. Е. Багно. Граница как категория культуры	6
Й. ван Баак. О границах русской культуры	12
Е. А. Костюхин. Русские в Средней Азии: мифы и реальность	20
Г. С. Лебедев. «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси	30
П. Баденас де ля Пенья. От аргонавтов к Третьему Риму (греческий мир и Россия)	41
Г. М. Прохоров. Христианская книжная культура в Древней Руси	47
В. Б. Земсков. Хроники конквисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке вопроса)	55
М. Т. Ортега-Монастерио. Ашкенази: остров культуры в Восточной Европе (XIV - XVIII века)	64
О. В. Журавлев. О понятии пограничной этнической идеологии	73
О. И. Варьяш, И. И. Варьяш. Праздники в средневековой Hispania	80
И. М. Стеблин-Каменский. Кому молился и что пил Афанасий Никитин в Индии	86
А. Г. Погоняйло. Переход границ: ситуация или сущность сознания? (об одном примере коммуникативного парадокса)	93
—	
В. В. Бузник. Память войны (из писем читателей к Юрию Васильевичу Бондареву)	96
Т. М. Вахитова. Народ на войне (взгляд В. Астафьева из середины 90-х. Роман «Прокляты и убиты»)	114
К. М. Симонов. Письмо к родителям (публикация Н. А. Прозоровой)	129
В. А. Шошин. Поэты в борьбе за Ленинград	133

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. С. Киселев-Сергенин. По старому следу (о балладе Е. Ростопчиной «Насильный брак»)	137
Э. Г. Гайнцева. К уточнению датировки статьи И. А. Гончарова «„Христос в пустыне”. Картина г. Крамского»	152
Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову (вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Р. Обатниной)	157
А. Л. Дмитренко. К истории содружества поэтов «Островитяне» (машинописный альма- нах)	209
В. П. Крючков. «Мастер и Маргарита» и «Божественная комедия»: к интерпретации Эпи- лога романа М. Булгакова	225
<hr/>	
Б. Н. Путилов. Живое наследие ученого (к столетию Владимира Яковлевича Проппа)	230
Из дневника В. Я. Проппа (публикация А. Н. Мартыновой)	235
Ю. И. Юдин. Пропп и поэтика Аристотеля. К определению метафоры	239

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

С. И. Николаев. Польская параллель к «Рифме» А. С. Пушкина	248
Я. С. Билинкис. Об одной сцене в «Горе от ума»	249

ХРОНИКА

А. А. Харитонов. Пятый и Шестой Платоновские семинары	251
В. Ю. Вьюгин. Юбилейная конференция, посвященная 95-летию Леонида Максимовича Леонова	261
Т. Р. Руди. XIX Малышевские чтения в Пушкинском Доме	266
<hr/>	
С. А. Фомичев. Владимир Николаевич Баскаков	270

Редакционная коллегия

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), **А. А. ГОРЕЛОВ**, **Г. А. ГОРЫШИН**,
В. Я. ГРЕЧНЕВ, **Н. А. ГРОЗНОВА**, **Б. Ф. ЕГОРОВ**, **А. И. ПАВЛОВСКИЙ**,
А. М. ПАНЧЕНКО, **В. А. ТУНИМАНОВ**, **С. А. ФОМИЧЕВ**, **Г. М. ФРИДЛЕНДЕР**

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

ПИСЬМА М. М. ПРИШВИНА к А. М. РЕМИЗОВУ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И ПРИМЕЧАНИЯ Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

Автобиографическая и мемуарная проза А. М. Ремизова (1877—1957) необычайно насыщена эпизодами литературного быта и портретами писателей начала века. Их количество и обилие фактов столь велики, что при обращении к теме взаимоотношений Ремизова с литературно-художественным кругом Петербурга возникает соблазн черпать информацию только из этого источника. Между тем исследователям ремизовского наследия известно, что, несмотря на подробность и кажущуюся документальность этих свидетельств памяти,¹ их жанровое приближение к литературным мемуарам, хронике и дневнику не отменяло особых художественных задач, характерных для символистской культуры в целом. В сущности в этих текстах Ремизов создал миф о литературной жизни Серебряного века, «героями» которого стали реальные люди, знакомые писатели, художники и поэты: А. А. Блок — «рыцарь, закованный в латы с крестом»,² В. В. Розанов — «исповедник пламенной веры в Вия, Пузырь и Тарантул»³ и др. В мифологическом облике выведен в воспоминаниях Ремизова и писатель М. М. Пришвин (1873—1954) — «когда-то елецкий „черный араб“, а теперь как лунь бородатый, белый медведчик и волхв — *Михайло Михайлович Пришвин*. А над ним серебряные тихие русские звезды».⁴

Образ Пришвина, тесно связанный с мифом, впервые появился в окончательной редакции ремизовского переложения народной сказки «Пес-богатырь». По воле автора ее главным героем стал охотник Пришвин: «Был один охотник — лесной человек.

Шайками на охоту Пришвин не любил ходить — был у него верный пес, непростое ружье.

---

¹ К наиболее значимым описаниям петербургского периода жизни писателя относятся его очерки, объединенные в книгу «Встречи. Петербургский буерак» (Париж, 1981), «временник» революционных лет «Взвихренная Русь» (Париж, 1927), а также художественный монтаж писем В. В. Розанова и воспоминаний Ремизова о философе, основанных на дневниковых записях, — «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923).

² Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 97 («К звездам»).

³ Там же. С. 105 («Выхожу один я на дорогу»).

⁴ Там же. С. 271 («Пришвин»). Этот очерк о Пришвине был впервые опубликован в парижской газете «Последние новости» (1938. 25 мая. № 6269).

Благословил его ружьем лесник-колдун, как помирать пришел час старику, а пса разжился у знакомого от злой сучки. (...)

Случилось Пришвину под Егорьев день заночевать в лесу (...)⁵

Здесь абстрактному сказочному персонажу приданы реальные черты личности Пришвина: его любовь к охоте, привязанность к собаке и даже почитание Егорьева дня.⁶ Введение реального имени писателя, а также ряда особенностей его характера в фольклорный текст имело свою предысторию и стало возможным благодаря тем дружеским и творческим отношениям, которые существовали между Ремизовым и Пришвиным на протяжении почти четверти века.

О своей первой встрече с Пришвиным Ремизов вспоминал: «Пришвин появился у нас в Малом Казачьем в 1907 г. (...) А познакомился я с Пришвиным на вечере на Женских Медицинских курсах. Мое впечатление — черная борода и черный зачес. И растерянные глаза от удовольствия. Помню, я подумал: „со мной такому никак!”

Я стоял один. (...) Меня познакомили с „писателем Пришвиным”. (...) У Пришвина была уже книга „В стране непуганых птиц” (1906 г.). С первой встречи с Пришвиным я замечаю: доверчивый, природа его звериная. А еще простодушие и с хитрецей.

Простодушие вызывает улыбку. Издание книги утвердило в нем, что он писатель. А ему хотелось быть писателем».⁷

Поначалу их общение определялось отношениями, какие обычно устанавливаются между учеником и учителем. Стиль Ремизова оказал влияние на многих писателей, о которых в начале 1920-х годов говорили как о прозаиках его «школы» (А. Н. Толстой, И. С. Соколов-Микитов, Е. Замятин, Вяч. Шишков). Однако первое «наставничество» началось именно с Пришвина в 1908 году. Заметим, что инициатива такого распределения ролей, по всей видимости, принадлежала Пришвину, так как в действительности ко времени их знакомства Ремизов еще только утверждался в статусе «известного» писателя, и хотя уже успел частично опубликовать роман «Пруд» (1905), а также две книги, принесшие ему признание в литературных кругах, «Посолонь» (1907) и «Лимонарь» (1907), критика еще долго именовала его «молодым талантливым писателем». К тому же Пришвин был старше Ремизова по возрасту. Тем не менее он всецело доверился художественному чутью и опыту Ремизова, который много лет спустя написал: «...я счастлив, что встретился с вами (...) и на мою долю выпала честь направить вашу руку в трудной работе над словом».⁸ Не будет преувеличением сказать, что Ремизов способствовал началу литературной карьеры Пришвина, оказывая ему протекцию в известных повременных изданиях («Аполлон», «Русская мысль», альманахи издательства

⁵ Цит. по: Ремизов А. Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым. Берлин; Пб; М., 1923. С. 312. Впервые сказка «Пес-богатырь» была напечатана в журнале «Северные записки» (1913. № 2. С. 48—50), затем вошла в состав сборника «Докука и балагурье» (СПб., 1914. С. 240—244). Тексты этих двух редакций не имеют значительных разночтений с редакцией 1923 года, за исключением того, что в последнюю было введено имя Пришвина. «Пес-богатырь» является литературной переработкой народной сказки «Про охотника и Егория Храброго» в записи А. Васильева (см.: Васильев А. Шесть сказок, слышанных от крестьянина Ф. Н. Календарева. Издал А. М. Смирнов // Живая старина. 1911. № 1. С. 126—128). Ср. приведенный фрагмент сказки Ремизова с началом текста-источника: «Бывши один охотник, не любил шайками на охоту ходить, а все одиночками сам себе — только и надеялся на свою собаку и на свое ружье. Вот случай ему выпал 23-го апреля (Егория бывает) заночевать в лесу» (С. 126).

⁶ День святого Егория (так называемый Егорий вешний) отмечается православной церковью 23 апреля (ст. ст.). В своем дневнике Пришвин писал: «Я люблю в природе самое первое начало перемены, особенно ранней весной (...) когда по еще низенькой, но уже плотно позеленевшей траве начинают гоняться друг за другом ежи, пастух выгоняет коров, словом, до Егорья» (Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 120. Далее: Дневники. 1990).

⁷ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 322.

⁸ Ремизов А. Встречи. С. 270.

«Шиповник»), щедро делясь с ним своими личными деловыми и дружескими связями почти со всем художественным бомондом Петербурга. Вскоре контакты между ними стали настолько тесными и даже проникнутыми взаимным дружеским расположением, что Пришвин, часто бывавший в отъезде, смог вверять свои литературные хлопоты Ремизову, который нередко держал корректуры его произведений и вообще заботился о судьбе пришвинских публикаций. Со своей стороны Пришвин, сотрудничавший в московской газете «Русские ведомости» и имевший там родственника в лице редактора и литературного критика И. Н. Игнатова, по возможности контролировал выход в свет печатавшихся в газете произведений Ремизова. Тогда же завязалась переписка, одну из линий которой, а именно письма Пришвина к Ремизову, мы публикуем ниже. Эти письма позволяют прояснить характер творческих и личных отношений двух писателей с 1908-го по 1918 год.

Безусловно, это был взаимообогащающий дружеский союз. Творческий поиск Ремизова, как и Пришвина, был устремлен в область народной мифологии. Их знакомство пришлось на тот период формирования Ремизова-писателя, когда основную задачу литературы он видел в восстановлении утраченных связей с коллективным творчеством народа. Поэтому Пришвин — путешественник, участник фольклорной экспедиции на Север, организованной в 1906 году известным ученым-этнографом Н. Е. Ончуковым, действительный член Императорского Географического общества — стал для Ремизова интересным собеседником, а вскоре выяснилось, что и единомышленником. Ремизов неоднократно обращался к фольклорным записям Пришвина, работая над литературными переложениями народных сказок.⁹ Должно быть, рассказы Пришвина о его поездках в отдаленные, глухие районы России, откуда он привозил ценнейший фольклорный материал, были столь заманчивыми, что Ремизов, не склонный по своему характеру к кочевой жизни, серьезно обсуждал план их совместной экспедиции в Лапландию.

Общность интересов двух писателей и взаимная личная симпатия подверглись испытанию на прочность в июне 1909 года, когда творческий эксперимент Ремизова по «вживлению» фольклорного текста в литературную традицию был поставлен под сомнение статьей Мих. Мирова «Писатель или списыватель?»¹⁰ Естественно, что обвинение в плагиате, ставшее одним из скандальных литературных происшествий того года, психологически травмировало Ремизова, повлекло за собой серьезное заболевание на нервной почве и непродолжительный, но тяжело переживавшийся писателем творческий кризис. Нельзя сказать, что в сложившейся ситуации он оказался без дружеской поддержки и сочувствия. Рядом с Ремизовым в этот момент оказался Р. В. Иванов (псевд. Иванов-Разумник). Известен и благородный порыв В. Хлебникова, который с возмущением писал В. Каменскому: «(...) в „Киевской мысли“ появляется перепечатка из „Биржевых ведомостей“ под заглавием „Плагиат писателя“, где в тоне, за который бьют по морде, говорится о якобы плагиате рассказа „Мышонок“ в сборнике „Италия“. Зная, что обвинять создателя „Посолонь“ в воровстве — значит совершать что-то неразумное, неубедительное, на злостной подкладке, я отнесся к этому с отвращением и презрением. (...) Мы должны сплотиться вокруг Алек(сея) Мих(айловича), как его друзья. Пусть Ал(ексей) Мих(айлович) помнит, что каждый из друзей гордо встанет у барьера защищать его честь и честь вообще русского писателя (...) Итак, еще раз: я был бы гордым встать у барьера за честь Ал(ексея) М(ихайловича) (...) Об этом о всем, о чем я не мог написать А(лексею) Мих(айловичу), я пишу вам, думая, что вы передадите

⁹ Почти все ремизовские обработки записей Пришвина вошли в сборник «Докука и балагурье», в том числе сказки «Летчик», «Чужая вина», «Ослиные уши» и др.

¹⁰ Миров Мих. Писатель или списыватель? // Биржевые ведомости. 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6.

ему многое из написанного».¹¹ Почти сразу же отреагировал на статью, порочащую имя Ремизова, владелец издательства «Шиповник» С. Ю. Копельман:

«Многоуважаемый Алексей Михайлович,

Выражаю Вам мое сочувствие по поводу грубой и бестактной выходки г. Мирова.

Полагая, что посланная Вами мне открытка М. М. Пришвина может Вам понравиться, спешу ее Вам возвратить.

С искренним уважением и преданностью С. Копельман».¹²

Имя Пришвина упомянуто здесь отнюдь не случайно, так как именно он взялся организовать кампанию по защите репутации Ремизова. Пока Ремизов под опекой Иванова-Разумника приходил в себя от всех неприятностей в небольшом путешествии по Волге, в Петербурге и Москве Пришвин выполнял роль его доверенного лица и пытался поместить в различных газетах свое опровержение на статью Мирова. обстоятельный отчет об утомительных переговорах с редакциями содержится в его письмах к Ремизову этого периода. Наконец, не без трудностей, статью Пришвина «Плаггиатор ли А. Ремизов? (Письмо в редакцию)» напечатали в газете «Слово».¹³ Пришвинское «письмо в редакцию» было не только выражением дружеского участия, но прежде всего заявлением профессионала, выступившего в защиту ремизовских принципов обработки фольклорного материала. Несомненно, в беседах с Пришвиным, как и с другими литературными соратниками, отшлифовался и текст статьи самого Ремизова, решившего лично ответить на предъявленное ему обвинение.¹⁴ Апеллируя к известной народной мудрости, скажем, что, быть может, только благодаря этому, одному из самых черных событий в жизни писателя мы располагаем единственной в своем роде теоретической статьей, в которой Ремизов обосновал свой творческий метод и изложил взгляды на задачи литературы. Этот текст, написанный также в форме «письма в редакцию», представляет собой уникальный документ с программным содержанием. Недаром теоретик символизма Вяч. Иванов, прочитав «Письмо в редакцию» Ремизова, записал в дневнике: «От Ремизова письмецо и вырезка из Русск. Вед. — письмо его к редактору по поводу обвинений в „плагиате“, обстоятельное и интересное как статья — о мифотворчестве, с очень широкими горизонтами. Думаю, что это заявление будет и нечто большее даже, чем Ehrenrettung».¹⁵

Тем временем писательская индивидуальность и самостоятельность Пришвина год от года крепили. Возможно, этой «проблемой роста» можно объяснить определенный сдвиг в его отношениях с Ремизовым, прослеживаемый и по пришвинским дневниковым записям. Так, начиная с 1910-х годов в его суждениях наблюдается явная переоценка некоторых черт характера и авторитета писателя в целом, а также стремление преодолеть собственную творческую зависимость от ремизовской стилистики. Поэтому столь болезненно воспринималось Пришвиным малейшее совпадение в их творческих замыслах, как это случилось с его повестью «Иван-Осляничек. (Из сказаний Семибратского кургана)»¹⁶ и рассказом Ремизова

¹¹ Цит. по: Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 358—359.

¹² Письмо С. Ю. Копельмана А. М. Ремизову от 22 июня 1909 года (см.: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 129. Л. 6).

¹³ Пришвин М. Плаггиатор ли А. Ремизов? (Письмо в редакцию) // Слово. 1909. 21 июня (4 июля). № 833. С. 5. Републикуется ниже (см. Приложение 1).

¹⁴ Ремизов А. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1909. 6 сент. № 205. С. 5. Републикуется ниже (см. Приложение 2).

¹⁵ Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 803. Ehrenrettung — спасение чести, реабилитация (нем.).

¹⁶ Пришвин М. Иван-Осляничек. (Из сказаний Семибратского кургана) // Заветы. 1912. № 2. С. 5—30; № 3. С. 5—29.

«Петушок»,¹⁷ где оба автора, по-видимому независимо друг от друга, использовали название одной и той же иконы — «Иван Ослиничек обидящий». Впрочем, и весь стиль повести Пришвина в целом был несвободен от влияния Ремизова, это отметил даже такой благожелательный критик, как Иванов-Разумник.¹⁸ Позднее Пришвин и сам критически оценил это произведение в своем дневнике: «Из прошлого встает „Семибратский курган“: сколько трудился. А теперь вспомнить стыдно, какой вздор написал под Ремизова (...) „Иван Ослиничек“ — получилась не вещь, а сосулька».¹⁹ Тогда же наметился ряд расхождений, прояснивших несоответствие мировоззренческих позиций писателей, их принципиальное типологическое различие, осознанное не только Пришвиным, но, думается, и Ремизовым. Эта перемена во взаимоотношениях почти никак не выражалась внешне, разве что ремизовское первое впечатление, описанное впоследствии в мемуарной книге «Встречи» («со мной такому никак!»), реализовывалось в едва обозначившейся иронии, направленной на Пришвина. Пример такой иронии встречается в письме Ремизова к Иванову-Разумнику: «Появился Пришвин, вид у него гордости необычайной, как некий мышь в крúпах, так смотрит».²⁰

И хотя в пришвинских дневниках Ремизов по-прежнему был одним из постоянных персонажей, размышляя о нем, Пришвин пытался осмыслить собственный индивидуальный путь, свое место в литературе, наконец, самого себя лично. Камнем преткновения в понимании Ремизова и вообще символистов стала для Пришвина позиция большей части творческой интеллигенции, видевшей в искусстве прежде всего способ познания жизни. Начало этого расхождения относится к 1908 году, когда Пришвин, довольно быстро освоившийся в Петербурге, привлек к себе внимание деятелей петербургского Религиозно-философского общества (РФО). Пришвин был принят в РФО, и скоро его положение упрочилось, так как он стал своеобразным посредником между идеологами нового религиозного сознания и сектантами, жизнь и вероучение которых изучал во время поездок по глухим северным деревням. Как знаток сектанства он был признан Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, З. А. Венгеровой, В. В. Розановым и др. В Петербурге Пришвин установил связь с хлыстами и стал «проводимым» писателей на радения. В очерке «Астраль», вспоминая свою деятельность в РФО, он писал: «Признавая разумом всю огромную ценность задач людей, взявших на себя крест спасти во Христе мировую культуру, в тайне, сердцем, я, как понимаю теперь, был с людьми протестующими этому движению и горел любопытством посмотреть, как они, такие ученые люди с лысыми и в очках, будут вертеться с хлыстами».²¹ Здесь же Пришвин описал свой визит вместе с деятелями РФО к хлыстовской «богородице» Дарье Васильевне Смирновой. В одном из персонажей, именуемом «приятель мой», характер которого намечен лишь несколькими штрихами, без труда угадывается А. М. Ремизов: «Все было необыкновенно в нашем путешествии к Дарье Васильевне: и как собрались в моей комнате (...) и как мы в шубах сидели молча, дожидаясь остальных членов экспедиции, — все-таки же это была ученая экспедиция, хотя и протестующая крайней учености главной струи религиозно-философского общества. (...) В это время „Охтенская богородица“ жила в Лесном на какой-то глухой улице (...) Постучались прямо в забор, и оттуда мужской голос спросил нас, кто мы такие и зачем. (...) было как-то неловко от этой таинственно-

¹⁷ Ремизов А. Петушок // Альманах издательства «Шиповник». СПб., 1911. Кн. 16. С. 205—221.

¹⁸ См.: Иванов-Разумник. Черная Россия («Пятая язва» и «Никон Староколенный») // Заветы. 1912. № 8. С. 40—58.

¹⁹ Цит. по: Пришвина В. Путь к слову. М., 1984. С. 175, 176.

²⁰ Письмо от 25 августа (8 сентября) 1912 года (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 49).

²¹ Пришвин М. Астраль (Возле процесса «Охтенской богородицы») // Заветы. 1914. № 4. С. 84.

сти, до того уж все были почтенные люди. Я очень боялся рассмеяться в самый главный момент. По скрипучей деревянной лестнице с половиками ввели нас в необыкновенно чистую комнату и оставили сидеть дожидаться. В полной пригородной зимней тишине куковала кукушка на старинных часах. Кот вышел к нам какой-то особенный, подсланный. Только что приятель мой высказал потихоньку одно свое предположение о подсланном коте, как вдруг появилась „богородица”.²² По-видимому, Ремизов бывал в Лесном неоднократно, о чем свидетельствует письмо А. Блока к А. А. Кублицкой-Пиоттух с упоминанием поездки к сектантам вместе с Ремизовым, «где провели несколько хороших часов. Это — не последний раз».²³

Попад в бурлящий философскими идеями Петербург, Пришвин, знавший духовную жизнь народа изнутри, вскоре ощутил неприязнь ко всякого рода теоретизированиям и постоянно чувствовал, что, в сущности, был как будто «взрослее» и опытнее многих идеологов РФО. В дневнике он записывал свои мысли по этому поводу, используя хлыстовское выражение «повертеться», т. е. при помощи экстаических движений достичь особого духовного состояния: «Тем она и страшна, эта хлыстовщина, что человек для жизни опустошается. Дает высшую радость самовольной мечте... После все плоско. (...) Ремизов очень бы хотел повертеться. Вообще все бы с удовольствием повертелись, а потому заискивали у хлыстов. («Повертеться желали» — а хлысты и не вертелись.) Для тех это все „шалуны” (...) Быть может, никогда литература так близко не стояла к народу, как в эпоху декадентства: характеризовать тип богов и этики: чем отличаются? У одних эстетика, у других религия: это и есть отличие»;²⁴ «Все эти писатели говорят: „Мы сами народ в своей личности (как Пушкин)”». И им отвечают другие: „Подите в настоящий народ, и вы себе шею сломаете”»;²⁵ «Последние русские символисты, даже те, которые брали материалы из русской этнографии и археологии (Ремизов), лишились восприятия действительной жизни и страшно мучились этим (Вяч. Иванов, Ремизов). Непосредственное чувство жизни своего (страшно любимого) народа совершенно их покинуло. И всегда символисты меня этим раздражали, и был я с ними, потому что натуралисты-народники были мне еще дальше».²⁶

При всем уважении к творчеству Ремизова, особенно к его литературным работкам фольклора, Пришвин не принимал «лабораторный» метод писателя, которому противопоставлял свой непосредственный контакт с народной устной традицией, осуществлявшийся в его многочисленных путешествиях. На эту тему в дневниках Пришвина имеется ряд размышлений: «Все, чем мы живем: сказочки и проч. искусство — все сказочки, пустяки, мы — шалуны. Особенно мне чуден кажется Ремизов, отвергающий народ и потихоньку роющийся у Даля в погоне за народными словами...»;²⁷ «Ремизов страдал всегда недостатком материалов, ему Россия казалась заповедной страной, в которую ему нет входа, и так он пользовался архивами — почему это так?».²⁸ В дневнике 1951 года он снова возвращается к анализу творчества Ремизова: «Есть у писателя болезнь отчужденности, и ею страдал Ремизов. В жажде материалов он как бы каждого гостя силился обогреть в его словесности. Теперь это у нас учли как „отрыв от масс” и создали творческие командировки».²⁹

В свою очередь Ремизов, который в новелле 1910-х годов стремился раскрыть многообразие человеческой духовной жизни через психологию и характеры героев,

²² Там же. С. 84—85.

²³ См.: Письма Александра Блока к родным: В 2 т. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 236.

²⁴ Пришвин М. М. Дневники: 1914—1917. М., 1991. С. 54. Далее: Дневники. 1991.

²⁵ Цит. по: Пришвина В. Путь к слову. С. 166.

²⁶ Дневники. 1990. С. 111.

²⁷ Там же. С. 52.

²⁸ Там же. С. 106.

²⁹ Пришвин М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 6. С. 380.

наблюдая за становлением литературного мастерства Пришвина, отчетливо понимал, что пути их творческих исканий практически не имеют точек пересечения. Не случаен его «провокационный» вопрос Пришвину, на который тот попытался ответить в своем дневнике: «Однажды Ремизов сказал: — Вот бы настоящим критикам разобрать интересный вопрос, почему Пришвин не хочет описывать людей, а все коров, собак и всякую всячину. Это вот почему: потому что сердечной жизни человека (себя) я не понимаю и боюсь трогать этой догадкой, спугивать, непережитое отдать бумаге, расстаться с будущим. Тут дело мудрое».³⁰

Все же по прочтении писем, дневников и воспоминаний двух писателей создается впечатление, что, несмотря на сложившееся между ними внутреннее противостояние, Пришвин и Ремизов долгие годы находились под взаимным обаянием личности и творчества друг друга. Оценивая свои отношения с Ремизовым по прошествии времени (в 1926 году), Пришвин писал: «Общаясь с декадентами, я всегда испытывал к ним в глубине души враждебное отталкивание, доходившее до отвращения, хотя сам себя считал за это каким-то несовершенным человеком, низшего круга. Но Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил».³¹

Заметим, что отдельные размышления Пришвина о Ремизове, прослеживаемые по частично опубликованным дневникам писателя, нередко вступают в противоречие друг с другом. Поэтому неудивительно, что, несмотря на отрицательное отношение к приоритету мифологии и искусства в творчестве Ремизова, Пришвину была близка идея жизнотворчества, которая воплотилась в ремизовской игре в Обезьянью Великую и Вольную Палату. В Обезьяньей Палате Ремизова Пришвин носил почетный титул князя, а в реестре Обезвельволпала о нем записано: «М. М. Пришвин — князь и кавалер; известный этнограф, космограф и географ, певец птиц, земли и звезд. Князь и полномочный резидент заячьего ведомства».³² Последнее звание он получил за учреждение в 1916 году фантастического «Заячьего ведомства» «внутри Министерства Торговли и Промышленности», где, по его собственным словам, «служил, укрываясь от войны, делопроизводителем отдела „Военного Времени“».³³ Судя по упоминаниям об этом ведомстве,³⁴ выдумка Пришвина была пародией на государственные структуры предреволюционного времени и не имела того мифологического развития, каким прославилось Обезьянье общество Ремизова. Возможно, тема «заяшного ведомства», а также утвердившийся в художественном восприятии Ремизова образ Пришвина — охотника, «лесного человека», — послужили поводом к созданию специально для Пришвина шутилой заклинательной молитвы, написанной в подражание народному заговору:³⁵

Алексей Ремизов
ЗАЯШНАЯ МОЛИТВА
народный оберег

Михаилу Михайловичу Пришвину

Есть гора костяная.

На горе стул костян.

На костяном стуле сидит царь костян, подпершись костылем костяным:

³⁰ Дневники. 1990. С. 92.

³¹ Там же. С. 133.

³² Ремизов А. М. «Обезьянья Великая и Вольная Палата». Материалы фантастического общества [1921—1950] // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 44.

³³ Дневники. 1991. С. 253—254.

³⁴ Там же. С. 253—254, 416.

³⁵ В этом же жанре написано еще одно произведение Ремизова — «Ратный поясок. Народный оберег», опубликованное в журнале «Аргус» (1917. № 5. С. 64—69).

шляпа на голове его — костяна,
рукавицы на руках его — костяны,
сапоги на ногах его — костяны.

Сам царь костян и все семьдесят три жилы его костяны и становая жила — кость.

Так и у меня семьдесят три жилы, семьдесят три сустава были б костяны и становая жила — кость и стояла б сто раз и тысячу на пострекание, на малое место — черное, русое, красное, белое, всякое.

И как у стоячей казенной бутылки горлышко всегда стоит прямо и бодро, так бы во всякое время стояла моя становая жила.

Благослови ж меня, царь костян, ставить свои поставушки и половушки, золотые капканцы, позолочены пружинки, целковые силья на вольного зверя, — серого, белого зайца — косолапых, короткохвостых, корноухих. И шли б они, серые, белые зайцы, из-за тридесять земель, из-за тридевять городов, из-за тридевять ловцов, из-за тридевять хитрых мудрецов по всяк час, по всяко время без попятю, без завороту.

Замок крепок, ключ во рту.

Так тын —

Над аминями аминь.

Аминь.

говорить на сон трижды и плюнуть³⁶

Совершенно в новом русле развивались отношения Пришвина и Ремизова в революционные годы. Конечно, более тесному сближению немало способствовало и соседство их домов на 14-й линии Васильевского острова. В это время квартира Ремизова напоминала мифологический ковчег, в котором переживали исторические невзгоды часто собиравшиеся там писатели. Из книги Ремизова «Взвихренная Русь» и ее прототекста — дневника писателя этого периода³⁷ явствует, что Пришвин был не просто постоянным гостем и собеседником Ремизова; он приносил известия о последних политических событиях, а также был заботливым товарищем, помогавшим превозмочь житейские трудности. Однозначно негативный взгляд на Октябрьский переворот, подорвавший весь прежний уклад жизни, определил единый регистр произведений обоих писателей, которые печатались на страницах правозащитной газеты «Воля народа» и ее литературного приложения «Россия в слове», выходявшего под редакцией Пришвина. Несомненно, что и для Пришвина, и для Ремизова это недолгое, но плодотворное сотрудничество в «Воле народа» было памятно как время наивысшего накала патриотических чувств, время, когда оба надеялись с помощью своего писательского дарования предотвратить историческую катастрофу. Сравнительный анализ очерков и рассказов Пришвина из «Воли народа» и таких произведений Ремизова, как «Слово о гибели земли русской»³⁸ и «Слово к матери-земли»,³⁹ позволяет говорить о том, что оба писателя пребывали в состоянии исключительного единодушия и единомыс-

³⁶ Текст «Заяшной молитвы» публикуется впервые по наборной рукописи с незначительной авторской правкой, хранящейся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 343).

³⁷ Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подг. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и комм. А. М. Грачевой // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 407—549.

³⁸ Ремизов А. Слово о гибели земли русской // Россия в слове. 1918. [Декабрь?]. Подробнее об этом произведении Ремизова см.: *Иезутова Л. А.* «Слово о гибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля народа» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 67—80.

³⁹ Ремизов А. Слово к матери-земли // Воля страны [Воля народа]. 1918. 3 (16) февр. № 16. С. 2.

лия. Благодаря Пришвину ремизовское «Слово о погибели земли русской» впервые было напечатано в литературном приложении «Воли народа» «Россия в слове». Находясь под сильным впечатлением от этого произведения, Пришвин записал в своем дневнике: «Этот больной писатель, его плач о погибели земли — единственное произведение первого года русской революции, которое останется навсегда памятником в литературе. Он страдает язвой в желудке и не может даже выходить на улицу всю зиму <...> Перекочевать через восьмушку навоза с язвой в желудке и еще что-то написать — это ли не подвиг».⁴⁰

Весной 1918 года Пришвин уехал из Петербурга на родину, в Орловскую губернию. С этого времени его общение с Ремизовым по существу свелось к обмену письмами, что вскоре также стало затруднительным в связи с отъездом последнего в 1921 году за границу.

Обрисовав здесь историю взаимоотношений писателей, мы ограничились периодом, к которому относятся публикуемые ниже письма Пришвина к Ремизову, хранящиеся в архивах РНБ и ИРЛИ, и не беремся анализировать отзывы, встречающиеся в поздних дневниках Пришвина, и высказывания Ремизова 1950-х годов, полагая, что некоторые мнения могли возникнуть в результате искаженной или недостаточной информированности, утраты личного контакта и многих других обстоятельств.⁴¹ Как бы то ни было, в одной из первых книг, написанных в эмиграции, Ремизов, возвращаясь мыслями в Россию, писал о Пришвине: «И Пришвин, поди, не спит, и ему в окно манит — от снега луна еще ярче и льется свет в окно беспокойный.

А от луны еще звернее, зарос, как леший, — почетный косарь! — а в штанах два репья колючих еще с лета, как купался.

Вынул бережно свое старое охотничье ружье — поработало на веку! — подул, погладил.

Завтра еще не звонят к ранней у Большого Вознесенья, постучит сосед Лидин, берлинская трубка пыхнет в мороз и пошли —

„Все покрыто снегом. Глухарь и тетерев держатся в лесных чащах, там же рябчики и белая куропатка. Серая куропатка большими стаями, медведи в берлогах, у волка...”

Из всех, ведь, писателей-современников — теперь уж можно говорить о нас, как об истории — у Пришвина необычайный глаз, ухо и нос на лес и зьяря, и никто так живо — теперь уж можно говорить о нас и не для рекламы и не в обиду — никто так чувствительно не сказал слова о лесе, о поле, о звере: запах слышно, воздух — <...>».⁴²

Таким же благодарным чувством было пронизано письмо Пришвина к Ремизову 1923 года: «<...> те, кого я люблю в старой Руси, живут постоянно со мной».⁴³

В настоящее время тема «Пришвин и Ремизов» изучена лишь фрагментарно.⁴⁴ Эпистолярное наследие Пришвина, несомненно, является важным материалом, позволяющим реконструировать реальные взаимоотношения писателей,

⁴⁰ Пришвин М. Дневник: 1918—1919. М., 1994. С. 57 (далее: Дневник. 1994). Ср. главу «Труддезертир» в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (Париж, 1927. С. 409—434).

⁴¹ См. об этом, например: *Резникова Н. В.* Огненная память. Berkeley, 1980. С. 84; *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 322; *Lowe D.* Unpublished letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov // *Russian Literature Triquarterly*. 1974. № 8. P. 489—501.

⁴² Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 55.

⁴³ Цит. по: *Дворцова Н. П.* М. Пришвин и А. Ремизов (К истории творческого диалога) // Вестник МГУ. 1994. № 2. Сер. 9. Филология. С. 27.

⁴⁴ Эта тема затронута, в частности, в монографии Т. Хмельницкой «Творчество Михаила Пришвина» (М., 1959. С. 80—86), а также в книге В. Пришвиной «Путь к слову» (С. 175). Начало ее всестороннего исследования положено в статье Н. П. Дворцовой (см. прим. 43).

что значительно дополняет известные автобиографические и мемуарные источники.

Письма Пришвина к Ремизову (1908—1918) публикуются по автографам, хранящимся в РНБ: Ф. 634. Ед. хр. 175 (п. 1—11, 14, 15, 17, 19—22), Ф. 124. Ед. хр. 3505 (п. 12, 13, 16, 18, 24); а также в ИРЛИ: Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 156 (п. 23, 25—28).

1

〈конец 1908 года〉¹

Я хотел бы прийти к Вам, Алексей Михайлович, через неделю во вторник, если Вам неудобно, черкните открытку (Песочная 19, кв. 17. Михаилу Михайловичу Пришвину).

Посылаю Вам свою книгу. Если можно: прочтите к моему приходу первую главу, очень прошу. Отвлекитесь только от крикливой и некрасивой внешности: я в ней не виноват, выбор издания, рисунков и т(ак) д(алее) зависел не от меня.²

Есть у меня и другая книга (полузэтнографическая)³ и еще сказки записанные,⁴ но у меня нет теперь под рукой ни одного экземпляр(а) — достану. Думаю я: читаю Вас я, знаю, надо же и Вам меня чуточку узнать, вот и послал. До свидания.

М. Пришвин

¹ Датируется по содержанию.

² Имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии», вышедшая в 1908 году в петербургском издательстве А. Ф. Девриена. Книга сопровождалась рисунками Г. Д. Дэнглас-Юма.

³ Речь идет о первой книге Пришвина «В краю непуганых птиц» (СПб., 1907).

⁴ Подразумеваются сказки, собранные и записанные Пришвиным летом 1906 года во время экспедиции в Олонецкую губернию. Этот фольклорный материал (всего 37 сказок) вошел в сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908. С. 412—469; сказки № 166—203), опубликованный в виде XXXIII тома Записок Императорского Русского Географического общества по Отделению этнографии; в 1909 году был выпущен отдельный оттиск этого тома.

2

Материалами, Алексей Михайлович, пользуйтесь на здоровье, я буду только рад. Но прочтите сказки и других собирателей: у них, кажется, лучше записано.¹ Сборник² я хотел нести к Вам вчера, но забыл в «Тропинке».³ Там он Вас и дожидается.

З/1 (19)09.

М. Пришвин

Открытое письмо. На штемпелях: Петербург. 4. I. 09.

¹ См. прим. 4 к п. 1. Ремизов активно использовал фольклорные записи из сборника «Северные сказки», о котором идет речь, преобразуя этнографический материал в художественные произведения и при этом сохраняя колорит, а также подлинное звучание народной сказки. Занимаясь литературным пересказом фольклорных текстов, он нередко обращался к записям, сделанным такими известными учеными-фольклористами и собирателями, как Н. Е. Ончуков и А. А. Шахматов, но вместе с тем значительная часть его переработок основывалась на сказках, записанных Пришвиным: шестнадцать из них были переработаны Ремизовым и включены впоследствии в его сборник «Доюка и балагурье» (1914). Первые пересказы пришвинских записей (сказок № 190 и 174), выполненные Ремизовым, появились в печати уже в 1909 году: это были сказки «Мышонок» (Италии. СПб., 1909) и «Мужик-медведь» (Тропинка. 1909. № 7).

² См. прим. 4 к п. 1. и прим. 1 к наст. п.

³ «Тропинка» — детский журнал, издавался в Петербурге в 1906—1912 годах поэтессой П. С. Соловьевой (Allegro). На протяжении всех лет существования этого издания в нем печатались произведения Ремизова.

3

Вот что, Алексей Михайлович, узнал я о секте, *вырезающей груди у женщин*.¹ Такой секты не существует, но есть легенда о хлыстах, передаваемая Мельниковым. Он говорит, будто хлысты сажают свою богородицу в чан с водой, отрезают одну грудь и частицы ее съедают² [подробнее см. Андерсен (Так. — Е. О.). Старообрядчество и сектантство].³ Но это все враки. Мельников известный враль.⁴

Материалы о сектантах, к(ото)рые Вы велели кому-то⁵ послать, направ(ь)т(е) тому же Андерсену, воззвание его со ссылками на Смайльса⁶ я Вам посылал.

Ив(ан) А(лександрович) Рязановский,⁷ с которым Вы почему-то поленились встретиться, предложил Вам для разработок сказки: 1) ст(р). 194 № 75 дополнить ее из № 48 2) стр. 286 № 119.⁸

Затем желаю Вам всего хорошего, на днях я исчезаю из Питера в Орловск(ую) губ(ернию),⁹ вернусь в мае и опять исчезну. Поклон Серафиме Павловне.¹⁰ Ваш

М. Пришвин

4/II (19)09.

¹ Слова, выделенные нами курсивом, подчеркнуты Ремизовым красными чернилами.

² Подобный обряд описан П. И. Мельниковым-Печерским в очерке «Белые голуби» (Русский вестник. 1869. № 3. С. 383—386), посвященном хлыстовским сектам. Интерес Ремизова к этому обряду нашел отражение в его рассказе «Черная бабушка» (Грани. Берлин, 1922. Вып. 1), включенном в книги «В поле блажитном» (Берлин, 1922) и «Оля» (Париж, 1927). В нем, в частности, упоминается хлыстовское посвящение в «богородицы».

³ Имеется в виду книга В. Андерсона «Старообрядчество и сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия» (СПб., 1908).

⁴ В своей оценке Пришвин опирается на высказывания В. Андерсона, подвергнувшего сомнению исследовательскую добросовестность Мельникова-Печерского в очерке «Белые голуби», по поводу которого он писал: «Хлыстам инкриминируется практикование „свального греха“ (...) и различные изуверства при выборе „богородицы“». Разумеется, к подобным обвинениям нельзя относиться не скептически, памятуя, что они исходят из лагеря таких непримиримых гонителей раскола, принадлежностью к которому заявил себя хотя бы известный казенный исследователь раскольничьего быта беллетрист Мельников» (Андерсон В. Старообрядчество и сектантство. С. 307). Далее следует черта, проведенная Ремизовым красными чернилами.

⁵ Подразумеваемого адресата установить не удалось, хотя известно, что тема хлыстовства была предметом живого интереса Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанова, З. А. Венгеровой, Е. Г. Лундберга и др. Любопытно, что в тот же день (4 февраля 1909 года) в письме к З. А. Венгеровой Пришвин выразил готовность помочь ей в сборе материала о хлыстах для будущей книги, а также повторно предложил познакомить ее с хлыстовской богородицей. Показательна для Пришвина заключительная фраза этого письма, отражавшая истинные отношения писателя к символистским увлечениям сектантством и богоскательству вообще: «Кончайте скорее свою книгу, весной нельзя такими вещами заниматься. Большой грех будет на душе Мережковского, если он заразит русское общество религией, как модернизмом, а света Христова не даст» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 654. Л. 3—4).

⁶ Имеется в виду предисловие В. Андерсона к книге «Старообрядчество и сектантство», в котором сформулированы задачи исследования (см.: Андерсон В. Старообрядчество и сектантство. С. 3—6). Непосредственно перед этим предисловием помещен издательский анонс Собрания сочинений С. Смайльса в восьми томах («Нравственные сочинения С. Смайльса»).

⁷ Рязановский Иван Александрович (1869—1927) — архивист, археолог, собиратель документов по истории России, в 1910-е годы хранитель Романовского музея в Костроме. С Пришвиным и Ремизовым его связывали дружеские и профессиональные интересы. Рязановский был неиссякаемым источником архивных материалов для будущих произведений обоих писателей. Особенно это отразилось на творчестве Ремизова, так как Рязановский стал не только его авторитетнейшим консультантом в области медиэвистики, но и прототипом некоторых литературных персонажей (например, следователя Боброва в повести «Пятая язва»), а также героем его автобиографической прозы. Об этом творческом контакте свидетельствуют письма Ремизова к Рязановскому, хранящиеся в РНБ (Ф. 634. Ед. хр. 31—33), и письма Рязановского к Ремизову, находящиеся в собрании ИРЛИ (Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 180). Своим знакомством с Рязановским Ремизов был обязан Пришвину: «А познакомил меня с этим необыкновенным человеком М. М. Пришвин, счастливый на встречи, как с птицей и зверем, так и с человеком. И во все наши петербургские годы (...) Рязановский был всегда желанным и неизменным, верным гостем» (Ремизов А. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. Париж,

1951. С. 153—154). Пришвин посвятил Рязановскому книгу «У стен града невидимого» (М., 1909), написанную под впечатлением от путешествия к заволжским раскольникам.

⁸ Имеются в виду сказки из сборника Н. Е. Ончукова (см. прим. 4 к п. 1) № 75 — «Царь Агапий и дочь его Елизавета» (в записи Н. Ончукова), № 48 — «Федор Бурмаков» (в его же записи) и № 119 — «Христов крестник» (в записи А. Шахматова). Ремизов воспользовался лишь некоторыми из этих рекомендаций. Так, контаминация двух сказок (№ 75 и № 48), по видимому, его не привлекла, а вот заключительный мотив последней (№ 48) не был оставлен им без внимания, так как сходный мотив является основным в сказке № 161 — «Хмель», которая была переработана Ремизовым и под названием «Хмель» впервые опубликована в журнале «Копейка» (1909. № 20. С. 2), а затем включена в сборник «Докука и балагурье» (С. 222—224) под названием «Лев-зверь». Сказка «Христов крестник» (№ 119) вскоре появилась в пересказе Ремизова в газете «Речь» под тем же названием (Речь. 1909. 11 апр. № 86. С. 4). Впоследствии Ремизов включил ее в седьмой том собрания сочинений («Отреченные повести») под названием «Иов и Магдалина». О своих намерениях относительно этого текста он писал Рязановскому 3 сентября 1909 года: «„Христова крестника“ я пробовал изобразить, напечатан он в пасхальном № „Речи“. Для „Лимонаря“ мне хотелось бы его дополнить, для примечаний знать тексты. Тоже прошу Вас, сообщите их мне» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 1, об.).

⁹ Весной 1909 года Пришвин навестил имение своей матери — Хрущево, находившееся в Орловской губернии под городом Ельцом.

¹⁰ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876—1943) — жена Ремизова.

4

(Петербург. 20 июня 1909 года)¹

Алексей Михайлович!

В Речи² отказали «Мы, — говорят, — в эту полемику не хотим ввязываться, напечатайте в „Бирже(вых) Вед(омостях)“.³ Писал: Измайлов».⁴ Я им на это «как сотрудник Русск(их) Вед(омостей)»⁵ выразил свое неодобрение и ушел в Слово,⁶ где был радостно встречен. Завтра будет напечатано (я там прочел статью).⁷ Просили меня следить за полемикой и отписываться. Так и будем делать.

Материал, сообщенный Вами, я в одном письме использовать не мог,⁸ сердился на себя, ругался и кое-как только доскреб ко времени. Алек(сандру) Мих(айловичу),⁹ значит, не показывал. В общем я пришел к заключению, что и нельзя все выложить в коротком письме. Во всяком случае пуля пущена и настолько основательная, что по прочтении в «Речи» хотели даже изменить решение не печатать, но посоветовавшись, опять отказали. Сегодня в Нов(ом) Врем(ени) тоже, говорят, была скверная заметка о Вас.¹⁰ Но ничего. Это к лучшему. Бог даст, узнают Вас и в более широких кругах.

Получил письмо от Ивана Александровича,¹¹ оно начинается: «И не знаю как обрадовали Вы меня (...) etc..» Так что очень зовет Вас. Как-нибудь забегу к Вам на днях.

Какие свиньи в Речи! Как волки.

Ваш М. Пришвин

¹ Датируется по содержанию.

² «Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета; орган партии конституционных демократов; издавалась в Петербурге в 1906—1917 годах. Издатели: В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич, Н. К. Милюков, Ю. Б. Бак. Одна из газет, в которой активно публиковались произведения Ремизова.

³ 16 июня 1909 года на страницах газеты «Биржевые ведомости» (№ 11160. С. 5—6) было напечатано обличительное «письмо в редакцию» «Писатель или списыватель?», подписанное псевдонимом Мих. Мирон. Сопоставляя записи из сборника Ончукова «Северные сказки» с ремизовскими сказками «Мышонок» (см. прим. 1 к п. 2) и «Небо пало» (Всемирная панорама. 1909. № 5), его автор утверждал, что эти тексты абсолютно идентичны. Тем самым он обвинял Ремизова в плагиате. Эта заметка имела широкий резонанс и была перепечатана не только столичными, но и многими провинциальными газетами. Пришвин оказался, пожалуй, единственным, кто деятельно пытался восстановить честное имя писателя, стремясь поместить в различных газетах опровержение на это обвинение. Ср. в воспоминаниях Ремизова: «Приходил Пришвин. Вздрыбленный. Бубнит по-елецки. У Ончукова „Небо пало“ его запись, в моей

редакции сказка звучит отчетливее — рассказчику подвесили язык. Дело не в количестве слов, а в выборе слов — и одно-единственное может распутать и пустить в ход. При беглом чтении текстов можно и не заметить. Эти свои соображения по поводу обвинения меня в плагиате он изложил по-газетному — он сотрудник „Русских Ведомостей” — и отнес в „Речь” И. В. Гессену, уверенный — напечатают. Но Гессен не принял опровержение и печатать решительно отказался. А. Ганфман сказал: „С «Биржевкой» «Речь» не может полемизировать — всякий спор принизил бы ее достоинство”» (Ремизов А. Встречи. С. 22).

⁴ Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921) — прозаик, пародист, литературный критик. Автор ряда статей о творчестве Ремизова (см.: *Aronian S. Critical and Bibliographical Literature on A. M. Remizov // Russian Literature Triquarterly*. 1985. № 18. P. 213). Как явствует из данного письма, заметка «Писатель или списыватель?», напечатанная в «Биржевых ведомостях», принадлежала перу А. А. Измайлова. Ср. также следующий пассаж Ремизова: «(...) А. А. Измайлов из побуждений самых высоких, оберегая литературную честь, написал про меня в вечерней Биржевке (...)» (Ремизов А. Кукха. С. 81). Однако мы не располагаем более вескими доказательствами его причастности к этой публикации. Поэтому, принимая во внимание тот факт, что псевдоним Мих. Миров был употреблен только один раз, причем, как известно, критик обычно пользовался другими псевдонимами (Аякс и Смоленский), считаем допустимым предположить, что статья была написана не Измайловым, хотя и не без его непосредственного участия в качестве руководителя «Литературного отдела» «Биржевки». К тому же, по мнению исследователей творчества критика, стилистически она не согласуется с другими его работами.

⁵ С 1905 года Пришвин становится постоянным корреспондентом ежедневной политической и литературной газеты либерального направления «Русские ведомости», выходящей в Москве в 1863—1918 годах. С 1901-го по 1916 год ее издателем был В. М. Соболевский.

⁶ «Слово» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета; выходила в Петербурге с 1903-го по июль 1909 года. Орган партии «мирного обновления». С 1907 года издавалась и редактировалась М. М. Федоровым.

⁷ Пришвин имеет в виду свою статью, написанную в ответ на обвинение Ремизова в плагиате. Это «письмо в редакцию» под названием «Плаггиатор ли А. Ремизов?» было опубликовано в «Слове» 21 июня (4 июля) 1909 года (№ 833. С. 5). См. также Приложение 1.

⁸ Речь идет о принципах работы с фольклорными текстами, которые были сформулированы Ремизовым, вероятно, в виде набросков к будущей статье (см. Приложение 2) и предоставлены Пришвину, готовившему публикацию в защиту писателя.

⁹ Коноплянцев Александр Михайлович (1875—?) — педагог и публицист, ближайший друг Пришвина, с которым они вместе учились в елецкой гимназии, где в те годы преподавал В. В. Розанов. Одна из глав книги Пришвина «За волшебным колобком» была написана в форме писем, обращенных к Коноплянцеву (см.: *Пришвин М. За волшебным колобком*. С. 74—100). Ремизов усматривал в Пришвине и Коноплянцеве типологическое сходство, объединяя их во взаимодополняющую пару: «(...) когда я о Пришвине подумаю, лезет в голову Коноплянцев (...)» (Ремизов А. Кукха. С. 56).

¹⁰ Имеется в виду заметка, напечатанная в рубрике «Среди газет и журналов», анонимный автор которой язвительно замечал: «„Модернисты” сделали еще крупный шаг в литературной технике (...)», подразумевая плагиат, в котором был «уличен» Ремизов (см.: *Новое время*. 1909. 20 июня. № 11950. С. 3).

¹¹ И. А. Рязановский.

Прощайте, достопочтеннейший Алексей Михайлович!

Завтра уезжаю в Семипалатинск на два месяца. Ждал, ждал от Вас ответа и не дождался, а тут подошла выгодная комбинация с Русскими Ведомостями¹ — вот и уехал.

Ломаю себе голову: почему Вы мне не ответили на мое письмо? Писал о Вас матери,² всячески хотел устроить Вам добро,³ а Вы... ноль внимания. Пришло другое в голову и... все. Так вот же и Вам моя месть: жду и все.

Боюсь, не обиделись ли Вы чем-нибудь на меня... Может быть Вы не так поняли мое письмо? Быть может в моей комбинации с «дачей» Вы увидели что-нибудь Вас, как говорят, «шокирующее». Я как-нибудь не так выразился. Если это так, то просто затрудняюсь объяснить себя: нужно в этих случаях понимать и верить просто, без объяснений. Ну, довольно об этом.

В Панораме⁴ отказались печатать письмо о Вас. Я достал из Слова несколько экземпляров письма⁵ и хотел направлять в разные стороны, но вот что вышло. С одним моим знакомым встретился Изгоев⁶ и советовал не раздувать это дело, приводил веские аргументы в пользу нераздувания. Я с этим вполне согласился и не послал письма. Кстати, Панорама не печатает письмо исключительно потому, что оно не интересно их публике.

Итак, всего Вам хорошего. В октябре увидимся. «Невидимый град» после долгих усилий устроил сам.⁷ Котылев⁸ Ваш никуда не годится. Он может устраивать только «имена». Кланяюсь Серафиме Павловне. Ваш М. Пришвин.

¹ Лето и осень 1909 года Пришвин провел в Средней Азии, собирая материал о жизни русских переселенцев в казахских степях по заданию редакции «Русских ведомостей» (см.: *Могиланский В.* Там, где охотился «Черный Араб» // Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991. С. 47).

² Пришвина Мария Ивановна (урожд. Игнатовна; 1842—1914) — мать Пришвина.

³ Речь идет о предложении Пришвина устроить Ремизова и С. П. Ремизову-Довгелло на отдых в имение его матери Хрущево.

⁴ «Всемирная панорама» — петербургский журнал (1909—1916; издатель и редактор Б. А. Катловкер), поместивший в № 5 за 1909 год сказку Ремизова «Небо пало» без подзаголовка «Народная сказка», который обычно ставился писателем при публикации литературных пересказов фольклорных текстов, что и послужило поводом для обвинения Ремизова в плагиате (см. об этом: *Ремизов А.* Встречи. С. 21, где вместо «Всемирной панорамы» указан журнал «Скетинг-ринг»).

⁵ См. прим. 7 к п. 4.

⁶ Изгоев Александр Соломонович (наст. имя Арон Соломонович Ланде; 1872—1935) — публицист, журналист, общественный деятель. В 1909 году заведовал отделом «Русская жизнь» в газете «Речь».

⁷ Речь идет о попытках издать в Петербурге книгу Пришвина «У стен града невидимого», которая была написана зимой 1908—1909 года.

⁸ Котылев Александр Иванович (? — 1917) — журналист, издатель. Играл в жизни Ремизова роль покровителя и благодетеля. В силу авантюристичности своего характера помогал писателю во многих трудных ситуациях, устраивая его произведения в разные журналы и издательства, не гнушаясь при этом и «силовых методов». Как писал о нем Ремизов, «Котылев — король петербургского шантажа, газетной утки и скандала», «отчаянная голова, возьмется за что, ни перед чем не остановится, доведет до конца» (*Ремизов А.* Встречи. С. 14, 54). Экцентричность и широта характера Котылева, а также этимология его фамилии, переосмысленная Ремизовым в духе народной мифологии (своеволие льва и хитроумие кота), позволили писателю создать нарицательный образ героя под именем Кот-и-Лев в сказке «Никола Чудотворец». Кот-и-Лев выполняет здесь роль волшебного помощника, в характере которого органично сочетаются два качества: «море ему по колено и на догадку горазд» (*Ремизов А.* Николины притчи. Пг., 1918. С. 79). Такой диапазон характера был присущ и реальному прототипу этого героя — А. И. Котылеву, принимавшему участие в нашумевшем в 1909 году скандале в связи с обвинением Ремизова в плагиате. Подробно излагая эту историю в книге «Встречи. Петербургский буерак» и отмечая роль заступника, которую принял на себя Котылев, Ремизов описывает стиль поведения своего приятеля следующим образом: « — Мерзавцу, — возгласил Котылев (...) — в театре публично набьем морду (...) А ведь Котылев, как оказалось, убежден, что я содрал сказку и попался» (*Ремизов А.* Встречи. С. 24). Зная способности А. И. Котылева, Ремизов, вероятно, полагал, что этот «волшебный помощник» мог бы стать полезным Пришвину, безуспешно пытавшемуся издать свою книгу «У стен града невидимого».

Подждал, все поджидал от Вас, дорогой Алексей Михайлович, известий. Ну, хорошо, что Вы доехали, устроились и прочее.² Нехорошо, что и на пути Вас беспокоят «лестные» отзывы.³ Признаюсь, я уже стал было эту историю хоронить. Мне сказали, что видели перепечатку или выдержку моего письма о Вас в Русс(ких) Вед(омостях) и в каких-то Ярославских газетах.⁴ Потом, доходили голоса от с. р-ов, что там у них публика «возмущена», что письмо мое совершенно Вас

обеляет; где-то писали: «не так-то легко списывать...»;⁵ у Котылева⁶ видел кучу писателей, все знают эту историю; некий Пильский⁷ предложил тут же написать фельетон в Руси, просил доставить ему материалы на другой край города; я понес ему в условленный день и час, но он надул; еще понес, еще надул, пока, наконец, Котылев велел мне оставить Пильского в покое. Котылев взял у меня последний экземпляр письма для Панорамы, т(ак) ч(то) нечего было послать Розанову;⁸ как только напечатают в Панораме — пошлю Розанову и Ончукову.⁹ Проездом через Москву узнаю, в каком № Рус(ских) Вед(омостей) было перепечатано письмо. Думаю, что не стоит Вам обращать внимания на эту глупую чепуху. Пишите свое Вавилонское царство¹⁰ спокойно. Не забывайте только о необходимости для Вас получить место,¹¹ напр(имер), в музее, в библиотеке и т(ак) д(алее). Итак, две звезды: Вавилонское царство и место, а прочее вздор.

О себе могу сообщить мало хорошего. Невид(имый) Град все еще на руках;¹² Котылев предлагает издать мне самому, обещает доход; я и мог бы занять у сестры¹³ руб(лей) 200, но боюсь: она существо неприспособленное, не хочется подводить; да и за Котылева боюсь. Так вот и сижу. Послал фельетоны¹⁴ в Русск(ие) Вед(омости), к(ото)рые должны мне дать 200 р(ублей). Теперь ожидаю денег, как только напечатают, отправляюсь с семьей в Оптину пустынь,¹⁵ где и проживу осень, навещая оттуда мать. Если же не напечатают, то и не знаю, что делать. Во всяком случае на родину я еду и могу вас доставить к матери. Хотелось бы мне устроить Вас с Сераф(имой) Пав(ловной) в Хрущеве, но боюсь я за нее: не понравится ей, будет скучно и т(ак) д(алее). Для того, чтобы не стесняться и глядеть жизни в очи прямо (если Вы пожелаете поселиться у матери с Сер(афимой) Павл(овной)), — поселитесь как бы на *даче*,¹⁶ а потом — я это *хорошо*¹⁷ устрою — Вы поднесете моей маркизе¹⁸ какую-нибудь изящную вещь (напр(имер), свою «Посо-лонь»);¹⁹ и тем дело и кончится. Ничего, что я так Вам все это объясняю?

Пишу рассказы. Читаю Раз(умника) Иванова.²⁰ Играю с Левушкой²¹ в мяч. До свидания, Алексей Михайлович. Большущий поклон Серафиме Павловне. Хорошо увидеть ее под хрущевскими липами. Ваш

М. Пришвин

Напишите: когда будете в Москве,²² где Вас найти. Бирж(евые) Ве(домости) не отвечали; я сходил. Быть может, сходить туда и попросить напечатать мое письмо?²³

¹ Сверху рукой Ремизова синим карандашом проставлена дата получения письма: 18 VII.

² В конце июня — начале июля 1909 года Ремизовы вместе с семьей Иванова-Разумника предприняли путешествие по Волге на пароходе «Великий кн. Владимир», которое закончилось пятидневным отдыхом (с 9 июля по 14 августа) в имении Гриневич Ольховый Рог, находившемся в Полтавской губернии (см.: *Ремизов А. М.* Адреса его и маршруты поездок // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 12; см. также письма Иванова-Разумника Ремизову // Там же. Ед. хр. 115. Л. 10).

³ Имеются в виду газетные отклики на статью Мих. Мирова «Писатель или списыватель?» (см. прим. 3 к п. 4).

⁴ Вероятно, Пришвин был дезинформирован, так как его письмо в редакцию «Плагатор ли А. Ремизов?», опубликованное 21 июня 1909 года в газете «Слово», в «Русских ведомостях» напечатано не было. В ярославских газетах перепечаток обнаружить также не удалось.

⁵ Цитату обнаружить не удалось.

⁶ А. И. Котылев. См. прим. 8 к п. 5.

⁷ Пильский Петр Моисеевич (1876—1941) — литературный критик; сотрудничал во многих периодических изданиях, некоторое время возглавлял литературный отдел петербургской газеты «Новая Русь» (1908—1910), выходявшей с 16 августа 1908 года вместо газеты «Русь» (1903—1908).

⁸ Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — писатель, критик, публицист, философ. Преподавал географию в елецкой гимназии, из которой не без его содействия был исключен тогдашний гимназист Пришвин. Этот инцидент 1888 года не повлиял на их дальнейшие отношения, так как, встретившись в Петербурге через двадцать лет, они оказались причастными к одному литературному кругу (см. об этом: Дневники. 1990. С. 50—51; *Пришвина В.* Путь к

слову. С. 43, 46—47, 176—178; Ремизов А. Кукха. С. 62; Фатеев В. В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. С. 35). Тема русского сектантства в творчестве Розанова и Пришвина обнаружила общность литературных интересов. Объединяла их и дружба с Ремизовым, с которым Розанов познакомился в 1905 году в редакции журнала «Вопросы жизни». Вскоре деловые отношения Розанова как постоянного автора журнала и Ремизова как сотрудника редакции переросли в дружбу, пронизанную глубокой сердечностью и уважением. По воспоминаниям Ремизова, именно Розанов посоветовал ему лично ответить в печати на предъявленное обвинение в плагиате (см.: Ремизов А. Встречи. С. 25).

⁹ Ончуков Николай Евгеньевич (1872—1942) — ученый-фольклорист. Заинтересовал Пришвина этнографией и определил его в экспедицию на Русский Север для сбора фольклорного материала, предназначенного в будущей сборник «Северные сказки» (см.: Пришвина В. Путь к слову. С. 127). Ончуков был лично знаком с Ремизовым, высоко ценил его бережное отношение к фольклорным текстам-источникам и относился к писателю с искренним уважением. Видя в Ремизове задатки профессионального исследователя-фольклориста, Н. Е. Ончуков обещал писателю в письме от 16 апреля 1907 года предоставить для работы тогда еще только готовившийся к изданию сборник «Северные сказки»: «Сочту не долгом, а удовольствием доставить свои сказки Вам, как только они выйдут из печати. Такого усердного читателя, как Вы, нынче поискать» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 47. Л. 1). Подробнее о нем см.: Иванова Т. Г. Н. Е. Ончуков (Любительская линия в фольклористике) // Иванова Т. Г. Русская фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 175—179.

¹⁰ Произведение Ремизова с таким названием нам неизвестно; возможно, имеется в виду какой-либо первоначальный вариант названия, более уже не употреблявшийся автором и его корреспондентами.

¹¹ Испытывая большие материальные трудности, Ремизов был озабочен поиском места службы, которое бы стало стабильным источником доходов для его семьи (жены и маленькой дочери). Мучительный поиск надежного заработка начался с 1906 года, когда с закрытием журнала «Вопросы жизни» Ремизов потерял постоянную работу в редакции. Многие знакомые литераторы старались поддержать его материально и подыскивали подходящее для него место службы, среди них были: З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofov, М. О. Гершензон, Вяч. Иванов, Иванов-Разумник и др. С 1906-го по 1910 год Ремизов безуспешно пытался устроиться на работу, в том числе в газету «Русское слово», на фарфоровую фабрику, по рекомендации Filosofova — в Государственный Контроль, выполнял случайные редакторские заказы, занимался составлением каталога детских книг и прочей, порою совершенно неожиданной деятельностью. Об этом периоде своей жизни он вспоминал: «Опять по письму Д. В. Filosofova я ходил в „Гос. Контроль” и на этот раз ничего не вышло. Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомился о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но эта работа скоро кончилась. Ходили по объявлениям. И все неудачно. Случилась в Петербурге перепись автомобилей и собак — (...)» (Ремизов А. Кукха. С. 49). Летом 1909 года проблема «хлебоного заработка» стала особенно актуальной, так как после обвинения в плагиате от Ремизова отвернулись многие журналы и газеты, прежде печатавшие его произведения (см.: Ремизов А. Встречи. С. 21—23).

¹² См. прим. 7 к п. 5.

¹³ Пришвина Лидия Михайловна (1866—1918).

¹⁴ Вероятно, имеются в виду очерки Пришвина, напечатанные в газете «Русские ведомости» уже в июле и августе 1909 года: «Как я укреплял тещу Никифора» (18 июля. № 164. С. 2; 23 июля. № 168. С. 2), «Как быть с мужиками?» (23 июля. № 168. С. 2) и «Дубовый дол» (1 авг. № 176. С. 2).

¹⁵ Свято-Введенская Оптиная пустынь — мужской монастырь, основан в XIV веке, расположен в Калужской области под г. Козельском; прославился своей традицией старчества. Оптинские старцы духовно окормляли не только прихожан из народа, но и творческую интеллигенцию. На духовные беседы со старцами приезжали В. А. Жуковский, А. К. Толстой, братья И. В. и П. В. Киреевские, С. П. Шевырев, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев. Пришвин особенно почитал преподобного старца Амвросия (1812—1891), святые мощи которого и ныне находятся в Оптиной пустыни (см. об этом: Пришвина В. Путь к слову. С. 218).

¹⁶ Слово, выделенное нами курсивом, подчеркнуто Пришвиным.

¹⁷ Слово, выделенное нами курсивом, подчеркнуто Пришвиным два раза.

¹⁸ Домашнее прозвище матери Пришвина.

¹⁹ Имеется в виду первая книга Ремизова «Посолонь» (М.: Издательство журнала «Золотое Руно», 1907; рис. Н. И. Крымова), оформление которой было выдержано в эстетике модерна.

²⁰ Иванов Разумник Васильевич (псевдоним Иванов-Разумник; 1878—1946) — критик, публицист, журналист, историк русской литературы и общественной мысли; автор ряда статей о Ремизове и Пришвине (см.: Aronian S. Op. cit. P. 212; Леонтьев Я. В. Р. В. Иванов-Разумник: Библиография // Библиография. 1993. № 3. С. 64—72). Ремизов познакомился с Ивановым-Разумником в 1909 году; с этого времени их объединяли общие творческие замыслы (журнал «Заветы» и издательство «Сирин») и взаимное расположение. Иванов-Разумник

чрезвычайно высоко ценил произведения Ремизова, с интересом следил за творческим ростом Пришвина. В одной из своих статей (*Иванов-Разумник. Черная Россия // Заветы. 1912. № 8. С. 68—97*) критик одновременно анализировал произведения Ремизова и Пришвина, объединив их по принципу тематической общности. Ремизов посвятил Иванову-Разумнику притчу «Властелин» (1909), вошедшую в седьмой том его собрания сочинений. Писатель Е. Г. Лундберг, рекомендуя Иванова-Разумника в новый журнал «Заветы», создававшийся в 1912 году, характеризовал его следующим образом: «Разумникова лучшая добродетель — прямота и безукоризненная внут(ренняя) честность. Затем он всегда знает, чего хочет. Самый большой его порок — недостаток дарования и гибкости. (...) Он больше всего — полезный в литературе человек, без краснобайства Овс(янико)-Куликовского, и без самодурства (но и без дарования) Чуковского. Больших проблем он ставить не умеет: для этого он слишком „математик“ (по образ(ованию) и по вкусам), но около них ходит уверенно, и бывает пронизателен. Я ему никогда не прощу его книги о Шестове — но Ремизова и Пришвина он оценил, как никто из критиков» (ИРЛИ. Ф. 185. Ед. хр. 739. Л. 19). Летом 1909 года Пришвин еще не был знаком с Ивановым-Разумником и знал о нем скорее понаслышке, от Ремизова. Вероятнее всего, он читал в это время книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни. Ф. Сологуб. Л. Андреев. Л. Шестов» (СПб., 1908).

²¹ Пришвин-Алпатов Лев Михайлович (1906—1957) — старший сын Пришвина.

²² Ремизов находился в Москве с 21 августа по 11 сентября 1909 года (см.: *Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок. Л. 12*).

²³ Пришвин упорно продолжал кампанию по восстановлению репутации Ремизова, пытаясь поместить свое «письмо в редакцию» во всех известных газетах, и прежде всего в газете «Биржевые ведомости», ставшей источником обвинений Ремизова в плагиате. Эта публикация не состоялась.

7

27 марта (19)10 г(ода)

Дорогой Алексей Михайлович,

сейчас только добрался из Лебедяни в деревню. Все по-весеннему: плывет, расплывается и как-то ничего не остается. Вчера видел в Лебедяни на Тяпкиной горе спящего на солнышке монаха. Сегодня думаю, вот и монах, должно быть, утек в Дон. Удивительно, знаете, как это у нас любят глазеть на ледоход. И боятся разлива ужасно: вчера у брата¹ в больнице мужик услышал, что Дон разлился, испугался, что отрежет от деревни, и прямо в рубашке, в страшнейшем тифу побегал к Дону. Поймали и водворили. Туманы, дожди, сыро, в доме пахнет дохлыми крысами.

Ну, ладно, этот пессимизм пройдет, скоро — весна!

Слушайте: какую Вам ерунду наговорил Шестов² о Ил(ье) Ник(олаевиче),³ будто бы он хочет Вас разгромить.⁴ Ничего подобного. Напротив, он сказал, что Лимонарь⁵ «прекрасная книга». Больше Вашего он ничего не читал. Не пишет о Вас, по(тому) что Вы не доставили в редакцию книг. Надо прислать: Лимонарь, Посолонь⁶ и Рассказы.⁷ Последнюю книгу очень одобряет, даже в восторге, дочь Ил(ьи) Ник(олаевича) Тоня — девица весьма философская. Если Вам почему-либо не хочется прислать книги Илье Ник(олаевичу) (как я послал Разумнику),⁸ то почему бы Вам не прислать хотя бы в Редакцию.⁹ Ведь это и для издания важно. Когда пошлете, напишите мне, а я напишу И(лье) Н(иколаевичу), чтобы он сделал фельетон, а не заметку. И пусть восходит Ваша заря. Мои шансы в Русск(их) Вед(омостях) повысились, писать просят очень, но деньгами очень и очень скупы.¹⁰

«Арапа» приняли в Русск(ую) Мысль.¹¹ Будет печататься в мае. Я решил придать этому произведению описательный характер и назвать «Степные очерки».¹² Теперь мне нужно за месяц написать листа два этих очерков. Вот и сижу за письменным столом целый день.

Варв(ара) Григ(орьевна)¹³ сказала, что корректуру Вам пришлют.¹⁴ Она тоже хочет ехать с нами в Лапландию.¹⁵ Напишите: ничего это?

Аполлонический гонорар очень прошу Вас, Алексей Михайлович, передать Коноплянцеву, а его попрошу послать поскорее Афросинье (Так. — Е. О.) Павловне

со чадами.¹⁶ Клянюсь низко Серафиме Павловне, да не забудет она о моей просьбе (корректурa). До свиданья. Хорошо, что есть на Руси Алексей Ремизов. Ваш М. Пришвин.

г. Елец (Орловс(кая) г(уберния)), с. Хрущево. М. М. Пришвину.

¹ Пришвин Александр Михайлович (1868—1911).

² Шестов Лев Исаакович (наст. фам. Шварцман; 1866—1938) — философ, близкий друг Ремизова. Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Ремизов А. Встречи*. С. 267—269; *Секе К. «Апофеоз беспочвенности»: Лев Шестов и Алексей Ремизов. Точки соприкосновения двух типов художественного мышления в русской литературе начала XX века // Dissertationes slavicae*. XV. Szeged, 1984. S. 105—120; *Данилевский А. А.* М. Ремизов и Лев Шестов (Статья первая) // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1990. Вып. 883. С. 139—156; Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // *Русская литература*. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 158—197; № 4. С. 92—133; 1993. № 1. С. 170—181; № 3. С. 130—140; № 4. С. 147—158; 1994. № 1. С. 159—174; № 2. С. 136—185.

³ Игнатов Илья Николаевич (1858—1921) — журналист, публицист, литературный критик, сотрудник газеты «Русские ведомости»; двоюродный брат Пришвина; в семье Игнатова воспитывался сын Л. Шестова. О взаимоотношениях Пришвина с Игнатовым Ремизов, посвященный в личные и творческие дела Пришвина, писал в своих воспоминаниях: «Пришвин, сотрудник „Русских Ведомостей“, автор „В стране неуганых птиц“ и только что вышедшей книги „За волшебным коlobком“, у брата был только неудавшийся журналист, постоянные недоразумения, а как старался Пришвин писать под Игнатова, да не выходит» (*Ремизов А. Встречи*. С. 23).

⁴ Несомненно, на Ремизова произвела впечатление фраза из письма к нему Л. И. Шестова по поводу отзывов на произведение писателя в газете «Русские ведомости»: «С Игнатовым о рецензии говорил. (...) Он же обещал напечатать рецензию. Только сочувствие у него не встретил» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // *Русская литература*. 1992. № 3. С. 196). Игнатов написал статью о творчестве Ремизова только в 1912 году. Анализируя его повесть «Пятая язва», критик, хотя и отмечал художественные достоинства этого произведения, рассмотренного им в сравнении с «Заложниками жизни» Ф. К. Сологуба, все же не удержался от следующей инвективы: «(...) движение, мелькание, утомительное верчение, напоминающее кинематограф (...) до такой степени утомительно, что после нескольких страниц хочется бросить книгу (...)» (*Игнатов И.* Литературные отголоски. Федор Сологуб «Заложники жизни» — Алексей Ремизов «Пятая язва» // *Русские ведомости*. 1912. 31 окт. № 251. С. 2).

⁵ Имеется в виду книга апокрифов и легенд «Лимонарь, сиречь: Луг Духовный», вышедшая в 1907 году в издательстве Вяч. Иванова «Оры».

⁶ См. прим. 19 к п. 6.

⁷ Подразумевается книга Ремизова «Рассказы», выпущенная в свет издательством «Прогресс» (СПб., 1910); об истории ее издания см.: *Ремизов А. Встречи*. С. 55.

⁸ Р. В. Иванов-Разумник.

⁹ Имеется в виду редакция газеты «Русские ведомости».

¹⁰ См. прим. 5 к п. 4, а также прим. 3 к наст. п.

¹¹ «Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал либерального направления; выходил в Москве в 1880—1918 годах; в 1912 году контора журнала была переведена в Петербург. Редакторы: В. А. Гольцев (1880—1906), А. А. Кизеветтер (1907—1910), П. Б. Струве (1910—1918). См.: *Никитина М. А.* «Русская мысль» // *Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1984. С. 26—47.

¹² Речь идет о рассказе Пришвина, напечатанном в журнале «Русская мысль» (1910. № 1. С. 89—118) под названием «Черный араб. Степные эскизы».

¹³ Малахьева-Мирович Варвара Григорьевна (1869—1954) — писательница, поэтесса, литературный критик. В начале 1909 года сотрудничала в литературно-критическом отделе журнала «Русская мысль», автор рецензии и критических статей о произведениях Ремизова. В 1910 году в «Русской мысли» была напечатана ее рецензия на книгу Ремизова «Рассказы» (*Русская мысль*. 1910. № 1. С. 1—3).

¹⁴ Во время длительных отъездов Пришвина из Петербурга Ремизов нередко оказывал своему коллеге дружеские услуги, контролируя его литературные дела в петербургских и московских издательствах. В данном случае речь идет о корректуре рассказа «Черный араб» (см. прим. 12 к наст. п.). 1 (14) октября 1910 года Ремизов писал В. Я. Брюсову: «Посылаю гранки Пришвинского произведения „Черный араб“. Я исправил их» (*Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912) / Вступ. статья и комм. А. В. Лаврова. Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // *Лит. наследство*. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 208).

¹⁵ Подразумевается план совместной поездки на Север для сбора фольклора, очевидно возникший благодаря устным рассказам Пришвина и его книге «За волшебным коlobком» (СПб.,

1908) о путешествии в Карелию, Лапландию и Норвегию. Мечты об этой поездке очень занимали Ремизова. Готовясь к ней, писатель делился своими планами с М. А. Волошиным в письме от 24 марта (6 апреля) 1910 года: «Напишите мне, Максимилиан Александрович, кто такие лопари. В конце мая едем с Пришвиным в Лапландию. А мне Белкин (Верхотурский) сказал, что Вы о лопарях знаете. Я о них знаю, что колдуны они, знаю, что Ивану Грозному привозили лопаря — нойда, знаю о некоторых нойдах — что делали при жизни и по смерти, знаю, что русских лопарей 2000, так считают, но их больше — есть такие умерли, а ходят по Лапландии, ищут, кому бы ключи передать. Напишите, Максимилиан Александрович, я поеду и буду смотреть» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1020. Л. 26). Несмотря на то, что этому путешествию так и не суждено было осуществиться, свои книжные познания о лопарях Ремизов использовал в сказке «о нойдах — северных колдунах лапландских», введенной в рассказ «Глаголица» (Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915. С. 223—227).

¹⁶ Пришвина Ефросинья Павловна (урожд. Бадькина; в первом браке Смогалева; 1883—1953) — первая жена Пришвина. Их сыновья: Лев (см. прим. 21 к п. 6) и Петр (р. 1909).

8

12/IV (19)10.

Дорогой Алексей Михайлович,

рад был Вашему письму и вообще, знаете ли, как-то рад, что можно с Вами взять да и посоветоваться и как-то попросту.

Слово, выражающее полет по воздуху, нашел и, думаю, его в литературе нет, а если и есть, то и то ничего: знаете, как в цирках называют человека, летающего с трапецией (Так. — Е. О.) на трапеции? — Хорошее слово: «полётчик». ¹ Эти господа полётчики получают громадное жалованье за риск. Не есть ли это то же, что и авиатор? ²

Вышла беда с лягушкой-турлушкой: с детства думал, что турлушка есть лягушка, а вот оказалось, что это не лягушка, а *медведка* (насекомое, мохнатое, длиной в половину этой строки). Турлушка-то есть турлушка, но не лягушка, а вот эта, живущая в земляных норах козявка. Поэтому в моем рассказе надо написать не лягушка-турлушка, а просто турлушка. ³

Название «Черный Араб» ⁴ мне нравится, хотя я назвал было «Степной оборотень» ⁵ — что тоже хорошо. С этими арабами вышла беда: узнав о согласии Русс(кой) Мысли его печатать, я принялся, несмотря ни на что, писать, работал три недели без отдыха и вот теперь вдруг все перестало нравиться и не хочу печатать. Подал прошение отложить печатание на несколько месяцев (авансы получены: по-купечески). ⁶

Если бы я мог теперь хоть на один день Вас вытащить в настоящее поле! Весна удалась, самая ранняя, зацветают фиалки, птицы звенят, коровы мычат, черт знает что делается, подумаешь-подумаешь, да и перекувыркнешься. Изучаю типологию гусей и попов. ⁷ Делю и укрепляю тещу ⁸ — все как Вы советуете. Словом, считаю так: не зря же это все торчит перед глазами, и у них тоже есть свое что-то.

Очень меня огорчило, что Вы не пошлете книги в Русские Ведомости. ⁹ Скоро после Пасхи я поеду в Петербург через Москву и снова подниму вопрос о рецензировании книги. Боюсь только там не будет И. Н. Игн(атов)а: он очень заболел и собирается переселиться в санаторию.

Кланяюсь и кланяюсь Серафиме Павловне.

Всего хорошего, М. Пришвин.

¹ Здесь и далее слова, выделенные нами курсивом, подчеркнуты Пришвиным.

² Вопрос о точном русском эквиваленте неологизма «авиатор» интересовал Пришвина в связи с работой над очерком, посвященным «Неделе авиации», которая состоялась весной 1910 года в окрестностях Петербурга. Его начало было построено на репликах наблюдателей авиационных состязаний: « — (...) Попов (...) Первый летун! Мы критикуем слово и предлагаем лучшее: „полётчик“, означающее в цирках человека, летающего с большим риском с трапеции на трапеции» (Пришвин М. М. Авиаторы и полётчики. (Впечатления авиационной недели) // Русские ведомости. 1910. 7 мая. № 103. С. 2—3). Любопытно, что ремизовский пересказ

народной сказки, записанной Пришвиным в Олонецкой губернии, «Лопарь на небе» (№ 199 в сб. «Северные сказки»), был назван Ремизовым «Летчик» (впервые: Огни. СПб., 1910).

³ Пришвин спешит внести исправления в рассказ «У горелого пня» (Аполлон. 1910. № 7), наблюдение за публикацией которого он поручил перед отъездом из Петербурга Ремизову. Речь идет о многочисленных упоминаниях «лягушки-турлушки», например: «Лягушки-квакушки стихи, зато лягушки-турлушки завели трель на всю ночь» (Там же. С. 34). Вероятно, Ремизов немедленно отреагировал на просьбу Пришвина, но, судя по письму секретаря редакции «Аполлона» Е. А. Зноско-Боровского от 14 апреля 1910 года, все попытки устранить эту неточность были безуспешными. Последний сообщал Ремизову, что «рассказ Пришвина давно уже напечатан и корректуры держали мы в редакции очень тщательно. № выйдет сейчас после Пасхи (...)» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 112. Л. 3). Вероятно, именно благодаря этому энтимологическому недоразумению в знаменитой ремизовской коллекции игрушек появился персонаж под названием «лягушка-турлушка». Описывая коллекцию Ремизова, П. Кожевников отмечал, что в его сказочном царстве имеются «две лягушки: царевна-квакушка и „турлушка”» (см.: *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2). Каждая игрушка или экспонат природного происхождения в коллекции Ремизова связаны с определенным сказочным сюжетом, народным мифологическим представлением или реальной историей, имевшей для писателя значение мифологемы. Тем самым действительность переносилась в систему координат, свойственных легенде, которая, по Ремизову, обладает способностью тверже, чем исторический факт, укореняться в человеческой памяти. Таким образом и создавался миф о современниках в его автобиографических произведениях. Думается, что не без вмешательства писателя, склонного ко всякого рода мистификациям, в следующем произведении Пришвина, корректуру которого держал все тот же Ремизов, — «Крутоярский зверь», — «лягушка-турлушка» была окончательно «легализована»: «Пела лягушка-турлушка о покое вечном» (Альманах издательства «Шиповник». 1911. Кн. 15. С. 169). Тем более что слово *турлу(ы)кать* означает напевать, ворковать (см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 444).

⁴ См. прим. 14 к п. 7.

⁵ В рассказе «Черный араб. Степные эскизы» название «Степной оборотень» получила четвертая глава.

⁶ См. прим. 14 к п. 7. История публикации «Черного араба» в журнале «Русская мысль» нашла отражение в письмах В. Я. Брюсова к П. Б. Струве, содержащих отчеты о деятельности литературно-художественного отдела этого журнала (см.: *Брюсов В. Я.* Письма к П. Б. Струве / Подг. А. Н. Михайловой // Литературный архив. М., 1960. Т. 5. С. 283—284).

⁷ Подразумевается подготовительный этап работы над рассказом, впоследствии озаглавленным «Птичье кладбище» (впервые: Русская мысль. 1911. № 7. С. 131—150). Процесс обработки фольклорного материала, на котором основан этот рассказ, ретроспективно описан Пришвиным в дневнике 1941 года: «Для этого рассказа я собирал слова и поверья в районе Брыни, записывал все на клочках. А когда приехал в Петербург, то снял себе на Золотоношской улице (р-н Алекс.-Невской лавры) комнату без мебели и стал жить на полу. Там мне было очень удобно работать, потому что массу листков можно было разложить в порядке. Чтобы заучить тысячи слов и сотни поговорок, поверий, я разрезал лист на тонкие полоски в огромную длинную ленту, списал материал на ленту и скатал два ролика. Перематывая ленту с ролика на ролик, я мог всюду заучивать свой материал: на коньках, в амбулатории, в приемных, на полустанке при ожидании поезда». Однажды за этим занятием его застал А. Н. Толстой, впервые в 1911 году посетивший Пришвина: «В своей отличной шубе он остановился на пороге моей комнаты... изумленный. (...) В совершенно пустой комнате, на полу, подстелив под себя пальто, на животе лежал среди бумаг, записок и длинных лент... этот самый „Пришвин”. (...) Я стал рассказывать ему о „Птичьем кладбище”, о том, как поп должен улететь с гусями. Толстой, по-своему как-то мигая, строил серьезную мину и в то же время, явно сдерживая смех, спросил: — А ленты-то для чего? Я скатал ролики и, перекачивая один на другой, показал. Тут он не мог не расхохотаться и сказал: — Ну, так написать рассказ невозможно. — А вот напишу, — сказал я. — Не напишете, не напишете, — повторил он со смехом, уходя от меня» (*Пришвин М.* Собр. соч. Т. 4. С. 705—706).

⁸ Пришвин имеет в виду цикл очерков «Как я укреплял тещу Никифора» (см. прим. 14 к п. 6), вошедший впоследствии в собрание его сочинений (*Пришвин М.* Собр. соч. Т. 4. С. 19—42).

⁹ Ср. в письме Л. И. Шестова к Ремизову от 22 февраля 1910 года: «С Игнатовым о рецензии говорил. Он утверждает, что ты в „Р(усские) В(едомост)и” книжки не прислал. Возможно ли это? Я спорил, говорил, что невозможно» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 3. С. 196).

Брынь

12 мая (19)10 г(ода)

Дорогой Алексей Михайлович,

Вы себе и вообразить не можете, как пахнуло на меня подлинной Россией здесь, в этих Брынских лесах. Устроился до того удобно (без признаков клопов и тараканов), что просто завидую самому себе. Если у Вас с санаторией будет плохо, приезжайте ко мне: уход будет лучше, чем в санатории.¹

Пишу Вам наскорях, прямо после приезда, чтобы дать Вам адрес для присылки Аполлона² и чтобы Вы зна(ли) вообще о мне и о том, что Вы для меня существуете прочно.

Если у Вас негде будет занять денег, то займите у меня гонорар с Аполлона — я как-нибудь потеснюсь: здесь, если не ездить, дешево.

Ваши книги, особенно Стратилатова,³ жажду по-настоящему прочесть, вышлите *поскорее*, если не затруднит, поправьте.

В Лимонаре,⁴ если не будет поправок, пусть останется какой-нибудь след от Вас: что книга у Вас была в руках.

Последнее время со мною выходит много курьезов: вот, например, как странно, что в одной из комнат снятого мной дома происходят собрания людей союза русского народа. И разве не странно, что мой «перепел»⁵ (которого с удовольствием слушают в чтении мужики) попал не в Русское Богатство,⁶ а в Аполлон, рядом с котелком рассуждающего молодого поэта Гумилева.⁷

Перед моим окном огромное озеро, ловят рыбу. За озером лес, страшный, «немыслимый», как здесь говорят, — тянется за сотню верст, переходит в Брянские леса, где живут настоящие бродяги, настоящие медведи и волки; как хорошо будет переплыть озеро на ялике, поймать по пути здоровенную рыбу и подойти к опушке этого леса настоящего. Что там тетеревей и всякой всячины!

Напишите, когда будете свободны. Кланяюсь Серафиме Павловне, Ивану Александровичу.⁸

М. Пришвин

Почт(овая) ст(анция) Брынь (Калужс(кой) губ(ернии))

¹ Весной 1910 года Ремизов тяжело заболел изъязвлением желудка, вследствие чего весь июнь был вынужден провести в санатории М. М. Волковой в Финляндии (деревня Тур-Киля под Уси-Кирко).

² «Аполлон» — литературно-художественный журнал (1909—1918). Редактор С. К. Маковский. Сотрудниками журнала были представители символизма и акмеизма (подробнее о нем см.: *Корецкая И. В.* «Аполлон» // *Русская литература и журналистика начала XX века*. С. 212—256). Имеется в виду седьмой номер журнала «Аполлон» за 1910 год, в котором был напечатан рассказ Пришвина «У горелого пня» (С. 32—37). См. также прим. 3 к п. 8.

³ Подразумевается повесть Ремизова «Неумный бубен» (впервые: Альманах для всех. СПб., 1910. Кн. 1. С. 59—138), главный герой которой — Иван Семенович Стратилатов.

⁴ См. прим. 5 к п. 7.

⁵ Речь идет о белом перепеле из рассказа «У горелого пня».

⁶ «Русское богатство» (1876—1918) — первоначально либерально-народнический, а после революции 1905 года полукadetский журнал. Его первым редактором был Н. К. Михайловский. Модернистами «Русское богатство» оценивалось как оплот буржуазного, закоснелого литературного ретроградства. Так, например, в «Аполлоне» была дана следующая оценка этому изданию: «Вне литературы стоит „Русское Богатство“» (Аполлон. 1911. № 5. С. 59).

⁷ Пришвин справедливо относил появление рассказа «У горелого пня» в журнале «Аполлон» (1909. № 7. С. 32—39) к примечательным событиям своей творческой жизни, расценивая эту публикацию как начало приобщения к ведущей литературной школе того времени. Значительно позже, анализируя свое положение в литературе начала века, он писал в дневнике: «Я не был декадентом-эстетом, но презирал народническую беллетристику, в которой искусство и гражданственность смешивались механически. И потому я искал сближения с теми, кого вначале называли декадентами, потом модернистами и, наконец, символистами. Можно раз-

ными глазами смотреть на эту чрезвычайно цветистую эпоху нашего литературного искусства, но никто не будет спорить со мной, что эта эпоха была школой литературы, и требования к нашему ремеслу чрезвычайно повысились в это время» (Дневники. 1990. С. 144). Добавим, что сам факт признания творчества Пришвина (как и других писателей-реалистов «новой» волны) журналом, поначалу принадлежавшим к символистскому направлению, был симптоматичен, так как опосредованно утверждал неизбежность перемен, благодаря которым в начале 1910-х годов происходило постепенное переосмысление художественных задач модернизма (см. об этом также: *Корецкая И. В.* «Аполлон». С. 230—242). Ремизов выделял рассказ «У горелого пня» как первое свидетельство состоявшегося писательского дарования Пришвина: «В литературе Пришвин выступил в 1907 году: это первые книги географически-учебного характера — очерки: „В стране непуганых птиц“ (1907) и „За волшебным коlobком“ (1908). Но как писатель Пришвин начинается с рассказа „У горелого пня“, напечатанного в петербургском избранном журнале „Аполлон“ (...)» (*Ремизов А. М. М. Пришвин // Ремизов А. Встречи.* С. 270). Характерно, что именно Ремизову принадлежала инициатива сделать своего рода «прививку» рассказа «У горелого пня» (первоначальное название «Гусек») в журнале «Аполлон». Об этом Пришвин вспоминал в дневнике 1927 года: «Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказик „Гусек“, приготовленный для детского журнала „Родник“, сказал мне: „Вы сами не знаете, что написали“. Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников Аполлона. Его интриговало провести земляной, мужицкий рассказ в „сенаторскую“ среду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу и его напечатали: получилось „букет“» (цит. по: Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 67). Рассказ был напечатан в том же номере, что и статья ближайшего сотрудника «Аполлона» Н. С. Гумилева «Жизнь стиха» (С. 5—21), в которой уже прозвучали идеи будущего акмеизма. Котелок, как и вообще изысканный, аристократический стиль одежды, был неотъемлемой деталью образа Н. С. Гумилева.

⁸ И. А. Рязановский.

10

Брынь. 2(-)е июн(я) (19)10 г(ода)

Я тоже, как и Вы, дорогой Алексей Михайлович, все собираюсь написать и не могу, а чувствую, что давно бы уже следовало поблагодарить Вас и за хорошую надпись,¹ и за поправки, и за присылку не то что Аполлона, а даже и денег к нему (36 р(ублей) 75 к(опеек)). Если бы денег было больше, я стал бы с Вами браниться по случаю их присылки, но такая сумма все равно так растает. Ничего что «капитанская курица» вышла, и с капитанской приятно чувствовать, что вот до чего дописался: в Аполлон попал!² Жаль только не перед кем тут хвалиться: прочел мужикам перепелятникам, очень хвалят, а что это Аполлон есть — не понимают.

Прочел два раза «Неуемный бубен»,³ впечатление осталось какое-то особенное, при чтении не очень увлекает, как-то туговато читается, кое-что кажется лишним, но в общем после чтения, знаете, как выйдешь на улицу из картинной галереи, все вокруг (быт) расположится живописно; это при моей оценке прочитанного имеет большое значение. Вот не понравилось мне только положительно печать с подписью «от он(о)го»,⁴ почему — не буду говорить теперь, т(ак) к(ак) тут целое рассуждение и напишу об этом в другой раз. Но как же хорош гнев Ильи!⁵ И как я его читаю простым набожным людям! Грешн(ы) как сам Илия, и крестятся, крестятся крещеные люди...

У нас красивые дни. Земляника поспела. Рожь цветет. Тетерева вывелись. Су-дакам в реке тесно — прыгают. Троица на носу, пойдем венки завивать.⁶

У меня отлегло от сердца, когда прочел, что Вы не едете в Лапландию:⁷ не хотел вылезать из леса, не поеду и в Петербург до глубокой осени.

Когда же и Вы, наконец, выберетесь из Петербурга? И как это скверно выходит с Вашей книгой⁸ и даже жутко становится... Трудно быть русскому в России, хоть бы Вы чуть чуточку на немца переделались: и Вам бы потеплело, и Вашим приятелям и почитателям.

Рассказы, о которых Вы пишете, я привезу, сейчас пока идет плохо, т(ак) к(ак) очень уж я близко стою теперь к жизни, а вот книги как-нибудь и выйдут.⁹

Всего хорошего. Низкий поклон Серафиме Павловне.

М. Пришвин

Если не удастся устроиться по вкусу¹⁰ — приезжайте в Брынь. Тут очень здорово и все... но страшно Вам и Сераф(име) Павлов(не) будет скучно: ни одного образованного человека.

¹ Вероятно, Пришвин благодарит Ремизова за присылку «Лимонаря» (см. прим. 5 к п. 7, а также п. 9).

² См. прим. 3 к п. 8, прим. 2 и 7 к п. 9. Ср. в рассказе «У горелого пня»: «А в избе у него всякие птицы: тут и петух-дракун, и курица капитанская, и скворец-говорец» (Аполлон. 1910. № 7. С. 33).

³ См. прим. 3 к п. 9.

⁴ Имеется в виду печать главного героя повести «Неуемный бубен» Ивана Семеновича Стратилатова, «изображающая как бы некий перст, окруженный надписью: *от оного свое начало все восприяло*» (Альманах для всех. СПб., 1910. Кн. 1. С. 117).

⁵ Подразумевается притча «Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его», которая вошла в книгу Ремизова «Лимонарь» (СПб., 1907. С. 33—62).

⁶ Народный обычай завивать венки, т. е. повязывать ленты на березе, совершался на Русальной неделе, предшествующей Троице, и был связан с дохристианскими представлениями о целительной и животной силе этого дерева.

⁷ См. прим. 15 к п. 7.

⁸ Отчаянно пытаюсь поправить свое финансовое положение, Ремизов изыскивал всевозможные пути для издания сборника собственных произведений. В сложившейся ситуации его поддержал С. Городецкий, писавший 17 мая 1910 года: «Прямо и не знаю, что Вам и посоветовать. Время теперь невозможное для изданий. (...) Попробуйте обратиться в „Просвещение“ к Цейтлину. Или уж прямо в Литературный Фонд, я только не знаю к кому» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 95. Л. 11). Другой вариант предложил ему Иванов-Разумник. Этот замысел Ремизов подробно излагал своему старому товарищу П. Е. Щеголеву 24 мая (6 июня) 1910 года: «Дорогой Павел Елисеевич! До сих пор сижу в Петербурге. На Страстной неделе простудился и опять пришлось с лекарствами возиться. Так из беды не выхожу. Сейчас дела с издателями. Необходимо издать сборник и получить аванс. Сборник выйдет пестрый, но уж поделаться ничего не поделаешь. Сегодня был у нас Разумник Иванов и надоумил меня с этим делом к Вам обратиться. Есть такой господин Николай Николаевич Михайлов (Кн² Прометей), что Вы не можете ли на него воздействовать. Воздействие Ваше будет вот в чем: я сейчас напишу Вам содержание моего сборника и Вы увидите, какие вещи туда войдут и будет у Вас мнение о книге, это-то мнение и надо будет ему втолковать, затем сказать сумму, какую я от него *получить должен* и про *аванс сказать*. В Сборнике будет 12 листов (1 лист) — 40.000 б(укв)). Когда я предлагаю сам, то пишу за 1000 эк(земпляров) — 200 р(ублей), печать — 3000. Из этого в последнее время ровно ничего не выходит и последняя книга „Рассказы“ пошли у меня за 200 руб(лей) (3.000 эк(земпляров)). Ну вот. Так, говорят, нельзя делать. Надо просить больше. Разумник Иванов толкует, что требовать 1.200 руб(лей), ну а потом спустил на 800 руб(лей) все-таки. Это все хорошо, если бы можно было печатать мои книги в большом количестве экземпляров, а издателям известно, что книги мои идут очень медленно и больше, как 30 000 эк(земпляров) печатать нельзя. Если Вы можете подействовать на Михайлова, то сообразите сами, как быть. Мне аванс надобен min. 400 р(уб(лей)), чтобы поместиться на 2 мес(яца) в санаторию. Если Вы надумаете написать, то пожалуйста, лучше устроить так: Вы пришлете мне письмо Михайлову, а я ему напишу в чем заключается сборник и т(ак) д(алее) и попрошу в случае согласия назначить мне час для личных переговоров. Сборник назову по первому большому рассказу Неуемный бубен («Неуемный бубен и другие рассказы»). Просто „Рассказы“ назвать неудобно, у меня есть такое название...» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 1479—1610. Л. 141). Эта проблема разрешилась только осенью, когда 10 октября 1910 года Ремизов подписал с петербургским издательством «Шиповник» договор об издании собрания сочинений, в первый том которого, выпущенный в свет уже в ноябре 1910 года, вошли рассказы, предполагавшиеся для сборника «Неуемный бубен».

⁹ Вероятно, речь идет о рассказе «Черный араб», над которым в это время работал Пришвин (см. прим. 12 к п. 7, а также п. 11).

¹⁰ См. прим. 1 к п. 9.

11

Белев в 10 ч(асов) (28 сентября 1910 года)¹

Извещаю Вас, дорогой Алексей Михайлович, что село Брынь сгорело 23 сентября, я и моя семья спаслись в чем были, мои вещи, лит(ературные) материалы, рукописи и все книги, вообще решительно все сгорело.² Я теперь должен начинать все снова. Если «Черный араб» не годится в Рус(скую) Мысль, то и не присылайте, т(ак) к(ак) книги о степи не будет.³ Сообщите Ваш адрес, мой: г. Белев Тульск(ой) г(убернии) Петропавловск(ого) у(езда) д(ом) Владимирова. Всего хорошего

М. Пришвин

¹ Почтовая карточка. Датируется по штемпелю. Получена в Петербурге 30 сентября 1910 года.

² Пожар описан в рассказе Пришвина «Мои тетрадки» (Пришвин М. Собр. соч. Т. 4. С. 524).

³ См. прим. 12 к п. 7.

12

(Петербург. 1911 год)¹

Дорогой Алексей Михайлович,

будете завтра в Шиповнике,² подержите в уме следующее: не упоминая о мне, нужно спросить, когда начнут печатать весенний Шиповник.³

При возвращении корректуры будет очень удобно попросить и денег.

Рассказ переписываю сам (из экономии). Пришлось на 1/3 сократить охоту гусиную и развить разговор о счастье, чтобы можно было назвать «Птичьим кладбищем».⁴ В субботу я к Вам зайду вечером.

Живу что-то плохо. Кишки не болят, как у Вас, но другой раз и подумаешь: уж лучше бы что ли кишки заболели!

Весна начинается, на волю тянет. Скоро уеду.

Вот и всего Вам хорошего

М. Пришвин

¹ Датируется по содержанию февралем 1911 года. Сверху владельческая надпись П. Л. Вакселя чернилами: «пол 11-3-1914 № 3279», рядом карандашом дата рукой Ремизова: «4 III 1911».

² «Шиповник» — петербургское издательство, организованное в 1906 году З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом; выпускало одноименные литературно-художественные альманахи (1907—1917). Подробнее о нем см.: *Келдыш В. А.* Альманахи издательства «Шиповник» // *Русская литература и журналистика начала XX века.* С. 257—294.

³ Речь идет о 15-й книге альманаха «Шиповника», которая вышла в свет в первой декаде июня 1911 года. В ней был помещен рассказ Пришвина «Крутоярский зверь» (С. 137—171).

⁴ См. прим. 7 к п. 8. Этот рассказ предназначался для публикации в журнале «Русская мысль». 5 марта 1911 года он был послан Ремизовым редактору литературно-художественного отдела журнала В. Я. Брюсову: «Посылаю Вам на Ваше благоусмотрение рассказ Пришвина „Птичье кладбище“» (*Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 212). Свои соображения по поводу пришвинского рассказа Брюсов излагал в письме к П. Б. Струве от 13 марта 1911 года: «„Птичье кладбище“ — „сельские очерки“ М. Пришвина. Я их прочел. Это интересная и хорошо написанная полубеллетристика, полужизнография, чуть-чуть с примесью „ремизовщины“ (но вполне невинной). Неудобство этих очерков лишь в том, что они велики; в них, думается мне, листа 2 с чем-нибудь: их пришлось бы разделить на две книжки, дать в апреле начало и окончание в мае» (*Брюсов В. Я.* Письма к П. Б. Струве. С. 336). Рассказ «Птичье кладбище. Сельские эскизы» был напечатан в июльском номере «Русской мысли» за 1911 год (С. 131—150).

(Хрущево. 9 марта 1911 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович,

И. Н. Игнатов просит меня передать Вам и Р(азумнику) В(асильевичу)² о судьбе рассказа Вашего следующего: редакция согласна напечатать рассказ, но только в Рождественском номере.³

Гонорар, сказал Илья Ник(олаевич), Вы можете получить немедленно. Высший гонорар для печатающихся в 1(-)й раз 15 к(опеек) за строчку. Заплатить больше нельзя, ибо это будет против всех правил редакции.

Я сейчас в деревне и как только буду в городе — вышлю свой долг; быть может, это будет через неделю или немного больше — извините за промедление.

Если Раз(умник) Вас(ильевич) у Вас, то передайте, что скоро ему напишу.

Брата я схоронил. Он умер от сыпного тифа, заразившись им на работе во время эпидемии. Это несколько изменяет внешнюю сторону того, что мы предполагали, но сущность остается такая же.⁴

Теперь я живу в печали, но не такой, однако, чтобы потерять себя; быть может, я начинаю путешествие по земной поверхности, как и раньше, но только более трудное, без внешних передвижений.

Вот пока все, что я Вам спешу написать.

Серафиме Павловне посылаю низкий поклон, вспоминаю даже и теперь, в беде, ее и Вас часто.

Всего хорошего

М. Пришвин

Адрес недели на две: Елец, имение Хрущево, а потом: г. Белев (Тульск(ой) губ(ернии)) Жабынь.

9(-)го Марта — жаворонки должны прилететь бы, а 19° мороза!

¹ Датируется по содержанию. Сверху владельческая надпись П. Л. Вакселя: «пол 11-3-1914 № 3280».

² Р. В. Иванов-Разумник.

³ Речь идет о рассказе Ремизова «Рождество Христово. Отреченная повесть», который он послал в газету «Русские ведомости» после того, как тот был отвергнут в журнале «Русская мысль» в январе 1911 года (см. об этом: Брюсов В. Я. 1) Переписка с А. М. Ремизовым. С. 210—211; 2) Письма к П. Б. Струве. С. 312, 315). Намерение «Русских ведомостей» опубликовать рассказ только зимой расстроило планы Ремизова, и он хотел забрать его из газеты, о чем свидетельствует следующий пассаж в письме к Ремизову Р. В. Иванова-Разумника от 15 апреля 1911 года: «(...) я сообщаю Вам, что гонорар из „Русск(их) Вед(омостей)“ Вы получите на днях, а Вы хотите получить обратно „Рождество“. — Конечно, взять следует — по причинам экономическим; но тут уж Вы действуйте сами: мне неловко перед Игнатовым. Советую сделать так: завтра Вы получите из „Р(усских) В(едомостей)“ сто рублей, завтра же и отошлите их Илье Николаевичу Игнатову (...), а на обороте перевода напишите пару строк благодарственных, пару строк извинительных, и третью пару строк — просительных... Так мол и так — нужна рукопись обратно, а я-де пришлю Вам к декабрю другую вещь, тоже-де очень хорошую... Выйдет и им приятно, и Вам необходимо» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 115. Л. 15). Тем не менее рассказ появился в рождественском номере «Русских ведомостей» (1911. 25 дек. № 297. С. 2), а затем вошел в седьмой том собрания сочинений Ремизова (СПб., [1912]. С. 149—164). Его название уточнялось еще за десять дней до выхода в свет. 15 декабря 1911 года М. О. Гершензон писал Ремизову: «Только что И. Н. Игнатов прислал мне записку с просьбою спешно узнать у Вас заглавие Вашего рождественского „рассказа“ (т. е. Рождества), так как в рукописи заглавия нет. Он пишет, что дело спешное, так как рассказ уже набран» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 87. Л. 12).

⁴ Жизнь Александра Михайловича Пришвина (см. прим. 1 к п. 7) сложилась драматически. Незадолго до своей преждевременной кончины он полюбил медсестру — красивую женщину, прозванную в семье Марухой (в Орловской губернии так называли «разлучниц»), и ушел из семьи. Но вскоре смертельно заболел и вернулся к законной жене. После смерти брата Пришвин записал в дневнике: «У меня брат умер, и причиной смерти его считаю отчасти и себя. Он умер от сыпного тифа. По свидетельству врачей, роковой исход его болезни зависел от

поселившейся в душе его нравственной борьбы, обессилившей его нервную систему. Одной из причин этой нравственной борьбы я считаю себя. Вот как это было. Брат хотел уйти из семьи к другой женщине. Жена его превосходная женщина, которую он не мог не любить и не ценить. Но она была для него Марфой, она смотрела на него как на ребенка, ходила за ним как за маленьким, избаловала его. Она устроила ему превосходную внешнюю жизнь, но душу его упустила. Он опускаться стал: небрежное отношение к своим обязанностям врача, играл в карты, пил. Другая женщина, которую он встретил в таком состоянии и увлекся ею, хотела спасти его, и, судя по первому времени, он сильно изменился в лучшую сторону. Так вот, когда он принимал решение оставить семью, то решил посоветоваться со мной (...). Я сказал ему так: „Если эта женщина для тебя будет Марией, то иди“. Он мне показал ее и спросил: „Хороша?“ я сказал: „Хороша“. К этому я, впрочем, прибавил: „Есть еще исход — ты когда-то уже был на таком же пути, но подавил в себе зарождавшееся чувство, никому об этом не сказал и почему-то стал выше в моих глазах. Вероятно, есть и другой исход: не уходить, а быть тут же, но уже другим человеком“. Но когда он мне ее показал и спросил: „Хороша?“, — я сказал: „Хороша“. И это было решающим словом» (цит. по: *Пришвина В.* Путь к слову. С. 17—18).

14

Жабынь 26 марта 1911 г(ода)

Дорогой Алексей Михайлович,

как Ваше здоровье?

Не доходили ли до Вас вести о судьбе Птичьего кладбища? Мне ничего не ответили пока. Кто-то, однако, прислал на мое имя в Петербург 200 руб(лей), которые я не могу вытребовать сюда, не зная отправителя. Вот и подумываю на Русск(ую) Мысль. А с другой стороны, без сопроводительного письма от журнала не пошлют.¹

В Шиповник я написал, что если корректуру неудобно просить сюда, пусть пришлют Вам. Вы не забыли: мы с Вами говорили по поводу этого.²

Романову³ я написал то, что Вы мне сказали: что рассказ его приняли в Русск(ое) Бог(атство). Он возликовал. А на другой день после моего письма рассказ приходит к нему обратно и без всяких объяснений.⁴ Написал об этом Иванову-Разумнику.

Я сейчас, чтобы добраться до почты, прошел краем разлива 15 верст и потому не в состоянии написать Вам как следует. Деньги я Вам послал из Ельца. Теперь Вы наверно получили. Не мог никак раньше: просить их нужно было у матери, а у ней сделался разрыв легочной артерии, боялись за нее очень и, конечно, ничем не беспокоили. Теперь, Слава Богу, она поправляется.

Беда наша семейная все осложняется: на днях отравилась та, с которой брат мой убежал⁵... Такая трагедия вышла, что вся моя литература улетучилась, как будто никогда и не начинал писать.

Так напишите о себе: как Ваше здоровье? Что стена? Как могла каменная стена гореть?⁶ Ничего не понимаю.

Серафиме Павловне кланяюсь. Вот, наверно, она-то перепугалась. Надеюсь, что теперь Вы ее послушались и очки не сняли.

Всего хорошего

М. Пришвин

Белев (Тульск(ой) губ(ернии)) Жабынь. Мих(айлу) Мих(айловичу) Пришвину.

¹ Речь идет о рассказе Пришвина «Птичье кладбище», отправленном в редакцию журнала «Русская мысль» в марте 1911 года (см. прим. 7 к п. 8 и прим. 4 к п. 12).

² Подразумевается рассказ Пришвина «Крутоярский зверь», принятый к публикации в альманахе «Шиповника» (см. прим. 3 к п. 12). По предварительной договоренности корректуру этого рассказа читал Ремизов, принимавший активное участие в литературных делах Пришвина (см. прим. 3 к п. 8). 3 марта 1911 года он сообщил И. А. Рязановскому: «Альманах 15-й Шиповника с Пришвиным выйдет к 1 мая. Корректуру ему и я и С(ерафима) П(авловна) сделаю» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 14).

³ Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) — писатель, знакомый Ремизова. См. не датированное письмо Романова к Ремизову (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 185).

⁴ Первый рассказ Романова «Отец Федор» был напечатан в седьмом номере «Русской мысли» за 1911 год. Возможно, подразумевается именно это произведение.

⁵ Речь идет о трагическом завершении семейной драмы брата Пришвина Александра (см. прим. 4 к п. 13), после смерти которого покончила с собой его возлюбленная.

⁶ Об этом пожаре в своей квартире на Таврической ул. (д. 3^а, кв. 23) Ремизов писал И. А. Рязановскому 13 марта 1911 года: «Я опять захворал. Сейчас поправляюсь. Пожар у нас случился. В комнате, где я спал, сгорела стена. Я только что встал и сел заниматься (поправлял Крестовые сестры), да зачем-то вышел в столовую, а дым так и валит. Возни много было. Залили, успокоились. А через час опять кричат: пожар. От нервного подъема я себя все хорошо чувствовал, а в субботу сразу и слег» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 19, об.).

15

Белев 6(-)е Апреля (1911 года)

Дорогой Алексей Михайлович,

уж и не знаю, как мне добыть такой лисий хвост, чтобы он мог удовлетворить Вас за труд. И не знаю даже: есть ли такие хвосты!¹

Пишу Вам сейчас в трактире, чернила водяные, перо не пишет...

От Брюсова получил письмо; по памяти передам его содержание.

«Мне очень бы хотелось сохранить Ваш рассказ для Русск(ой) Мысли. Но Апрельская книжка, когда получена была рукопись, уже набрана, я постараюсь напечатать в *майской*,² но и тут обещать не могу...» Далее пространное объяснение и просьба назначить предельный срок.

«Лично я, — пишет Брюсов, — с величайшим интересом прочел Вашу рукопись. Вы с обычным мастерством даете нам, горожанам, картины совершенно неведомой жизни...»

В ответ на письмо я поставил предельный срок Август и жду ответа, который, судя по письму, будет, вероятно, удовлетворительный.³

Алек(сей) Мих(айлович), весна! Тяга вальдшнепина, тетеревиные тока́. Река вошла в берега. И я тоже: не пишу, не читаю, а целый день, даже ночью иногда, в лесу. И будет мне когда совсем худо, и заболят кишки — придет весна, на четвереньках приползу в лес.

Больше ничего не могу написать. Не пишет перо. Напишу из Жабыни.

Посылаю марки для нового тома Ваших сочинений.⁴ Жду его в Жабыни.

Серафиме Павловне кланяюсь низко пренизко и благодарю ее за корректуру «Зверя».⁵

М. Пришвин   Спасибо, Алек(сей)
Мих(айлович), за все.

Белев. Жабынь.

(а — не е)

200 руб(лей) были от родни, а в Русс(кой) Мысли — пишет Брюсов — Струве⁶ мне заплатит 100 р(ублей) за лист.⁷ И то, Слава Богу!

¹ Несомненно, Пришвин отвечал на шуточный вопрос Ремизова о вознаграждении за чтение корректуры пришвинского рассказа «Крутоярский зверь» (см. прим. 3 к п. 8, прим. 3 к п. 12 и прим. 2 к п. 14). Обозначенный в качестве мзды лисий хвост (равно как и обезьяний) в одном из своих символических значений являлся для Ремизова атрибутом «иногo» человека — творчески свободной, не ограниченной тривиальными условностями жизни личности. Ремизовское тайное общество «Обезьянья Великая и Вольная палата» объединяло именно таких людей. Подробнее об Обезвелволпале Ремизова см.: Ремизов А. 1) Взвихренная Русь. С. 272—297; 2) Кукха. С. 38—43; 3) Встречи. С. 187—189; Гречишкин С. С. Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 32—34; Морковин В. Приспешники царя Асыки // Československa rusistika. 1969. XIV. № 4. S. 178—186; Флейшман Л. С. Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвелволпала // Slavica

Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. Vol. 1. S. 185—193 и др. Реликвией Обезьяньей палаты считался хвост ее верховного правителя царя Асыки. Ремизов утверждал, что царь Асыка «собственнохвостно» подписывал все важнейшие документы общества: манифесты, указы и грамоты. В соответствии с этим законоположение Обезвелволпала предусматривало «права вельмож носить хвосты где угодно» (*Ремизов А. М. Обезьянья Великая и Вольная палата. Л. 39, 55*). Кроме того, хвост для Ремизова — это символическое выражение детской беспечности, а также мечтательности взрослого человека, противостоящей прагматизму обывателя. Так, один из героев его повести «Канава», наделенный автобиографическими чертами, вывел весьма оригинальное определение счастья: «(...) отпусти ему Бог хвост и обеспечь покойную жизнь, да он, поверите ли, сумел бы обернуться, примостившись где поудобнее, и тихо и смиренно помахивал бы он хвостом день и ночь» (цит. по: *Ремизов А. М. Избранное. Л., 1991. С. 422*). Наконец, упоминание в письме о лисьем хвосте являлось отзвуком инцидента, случившегося с Ремизовым на новогоднем маскараде в доме у Ф. Сологуба в январе 1911 года (подробнее об этом см.: *Обатнина Е. Р. От маскарада к третейскому суду. («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 448—465*). Эта история стала предметом различных пересудов и слухов, немалую долю которых распространял сам Ремизов, подменяя в соответствии с «жанром» сплетни фактические детали вымышленными. Таким образом, обезьяний хвост превратился в лисий. Как вспоминал Вл. Пяст, Ремизов «любил распространять слухи о каких-нибудь действительных или мнимых ссорах из-за какого-нибудь нелепейшего „лисьего хвоста”» (*Пяст Вл. Встречи. М., 1929. С. 31*).

² Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Пришвиным.

³ См. прим. 4 к п. 12 и прим. 1 к п. 14. Приняв к сведению условия Пришвина, Брюсов все же, по-видимому, сомневался в необходимости этой публикации и в письме от 16 апреля 1911 года сообщил П. Б. Струве: «(Пришвин) пишет, что его вещь он может представить нам для печатания лишь в мае, июне, июле и „самое крайнее” августе. Как я писал Вам, это полурассказ, полуэтнография, вещь, не лишенная интересности и художественности, хотя отнюдь не что-либо исключительное. По размерам она вряд ли уместится в одной книжке (...) Можно ли принять условия Пришвина и взять на себя обязательства напечатать его рассказ до августа или должно „с глубоким сожалением” вернуть ему рукопись?» (*Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве. С. 338*).

⁴ К апрелю 1911 года издательством «Шиповник» были выпущены в свет два первых тома собрания сочинений Ремизова; готовился к печати и третий том, появившийся в августе.

⁵ См. прим. 1 к наст. п.

⁶ Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист, политик, редактор и издатель журнала «Русская мысль».

⁷ См. прим. 1 к п. 14.

16

Новгород. 18 сентября 1911 (года)

Дорогой Алексей Михайлович, я потому не ответил Вам, что дожидался своих вещей из Белева, в которых находится и рукопись Лундберга.¹ Сейчас я их получил и сегодня же отправлю Лундбергу его рукопись.²

Жизнь моя в Новгороде наладилась хорошо. Пишу свою повесть;³ когда не работается — хожу на охоту в лес или плыву по Волкову на Ильмень, после этого на другой день опять начинает работаться. Из знакомых, кроме поозеров, есть только один: художник Манганари;⁴ сей человек поселился у меня и прижился совершенно, стал как свой. Человек этот со «дна» и очень мне нравится. Когда-нибудь яведу Вас с ним.

От Разумника⁵ получил письмо из «рая земного».⁶ Собираюсь я издавать том своих рассказов в «Знании».⁷ Не огорчайтесь этим, ибо Кузьмин⁸ (Так. — Е. О.) и Муйжель⁹ оба существа несовершенные,¹⁰ Шиповник тоже несовершенное существо и, в конце концов, не все ли равно? А деньги заплатят вероятно приличные.

Лекции Серафимы Павловны я прочел,¹¹ но не посылаю назад, потому что могут еще мне понадобиться. Если же ей нужны, то напишите, — я пришлю.

Кланяюсь Серафиме Павловне, Вам кланяюсь. Пишите Орлова,¹² выпускайте свой альманах.¹³ Если напишите, и я пришлю Вам рассказик.

М. Пришвин

Сверху владельческая надпись П. Л. Вакселя: «пол 11-3-1914 № 3278».

¹ Лундберг Евгений Германович (1887—1965) — писатель, переводчик, критик. В 1900—1910-е годы пользовался дружеским расположением Л. И. Шестова, через которого, нередко при посредничестве Ремизова, устраивались публикации его рассказов и очерков. Так, в письме от 9/22 октября 1910 года Шестов писал Ремизову: «И вообще, подумай, что можешь сделать в смысле произведений Лундберга в каких-либо изданиях, либо насчет переводов» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 92). Знакомство Лундберга с Ремизовым относится к 1905 году. О первом впечатлении, произведенном ими друг на друга, узнаем из письма Шестова к Ремизову от 28 февраля 1905 года: «Лундберг, видно, Вам не по вкусу пришелся — это жаль. Он интересный. А Вы ему понравились» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 2. С. 136); см. также: Ремизов А. Кукха. С. 36). Комментируя в 1940-е годы свои письма к жене, Ремизов заметил о творчестве Е. Лундберга: «(...) Лундберг писал рассказы и статьи, да неудачно и расплылся, а даровитый и начитанный» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. Антонеллы Д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. Bd. IX. С. 462).

² Вероятнее всего, имеется в виду рукопись Е. Лундберга, отправленная в газету «Русские ведомости» по протекции Ремизова и Пришвина. Установить ее название не удалось. Возможно, это была одна из статей, упомянутых в письме Шестова к Ремизову от 5 сентября 1911 года; не исключено, что речь идет о его произведении под названием «Тринадцатый», судьба которого обсуждалась в том же письме: «Теперь насчет Лундберга. С ним плохо: опять температура 38. Конечно, падает духом. Уже постарайся, что можно сделать. Кому ты сдал его „Тринадцатого“? (...) У него и в „Р(усских) В(едомост)ях“ есть несколько статей — оттуда никакого ответа!» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 104). «Тринадцатый» упоминается и в недатированном письме Лундберга к Ремизову (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 141. Л. 8).

³ Очевидно, подразумевается повесть «Никон Староколенный», напечатанная в альманахе издательства «Шиповник» (1912. Кн. 18. С. 205—231).

⁴ Манганари Александр Викторович — художник, в 1910-е годы экспонировал свои работы на московских выставках «Нового общества художников», «Союза русских художников» и «Московского товарищества художников»; иллюстрировал повесть Антония Погорельского «Монастырка» (см.: Искры. 1911. № 6. С. 42).

⁵ Р. В. Иванов-Разумник.

⁶ Осенью 1911 года Иванов-Разумник жил в Крыму, в поселке Артек под Гурзуфом.

⁷ «Знание» — издательское товарищество; возникло в Петербурге в 1898 году по инициативе К. П. Пятницкого. В начале 1900-х годов идейным руководителем «Знания» стал А. М. Горький. В течение 1912—1914 годов это издательство выпустило три тома собрания сочинений Пришвина.

⁸ Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик, композитор. В 1900—1910-е годы Кузмин и Ремизов принадлежали к одному литературному кругу. Письма Кузмина к Ремизову см.: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 133.

⁹ Муйжель Виктор Васильевич (1880—1924) — писатель, в 1910-е годы сотрудничал в журнале «Русское богатство».

¹⁰ Вероятно, пытаясь найти печатный орган для своих произведений, Пришвин по совету Ремизова обращался к Кузмину как ближайшему сотруднику журнала «Аполлон» и к Муйжелю, вхожему в редакцию журнала «Русское богатство». Хотя еще в январе 1911 года Кузмин объяснял Ремизову в одном из писем, каково его положение в журнале: «(...) видите ли в чем дело: с „Аполлоном“ у меня не такие лады, как прежде, я жаловался, что мало времени читать книги, а Серг(ей) Кон(стантин)вич Маковский для облегчения освободил меня от оценки рукописей, это совсем в мои планы не входило. Вообще там новый дух и по-моему никаких альманахов и не будет (...)» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 13).

¹¹ Имеются в виду записи лекций, прослушанных С. П. Ремизовой-Довгелло в Петербургском Археологическом институте. В романе, посвященном жизни Серафимы Павловны, «В розовом блеске», Ремизов писал: «После ссылки она поступила в Петербургский Археологический Институт и окончила с дипломом „действительного члена Института“» (цит. по: Ремизов А. В розовом блеске. М., 1990. С. 724).

¹² В это время Ремизов работал над повестью «Пятая язва», главный герой которой — следователь Бобров, а не Орлов, как пишет Пришвин.

¹³ Возможно, подразумевается сборник, идея которого возникла благодаря знакомству Ремизова с Е. Гуро и М. Матюшиным весной 1911 года. Как вспоминал Матюшин, тогда же появился план «издать новый сборник с „молодыми“ и кое с кем из *столлов*» (Матюшин М. М. Рабочая тетрадь. 1925—1931 // ИРЛИ. Ф. 656. Ед. хр. 105. Л. 33). По-видимому, осенью 1911 года этот замысел (сборник предполагалось издать на средства Е. Гуро) был еще актуален. Не случайно Ремизов писал М. Волошину 28 ноября того же года: «Пришлите, пожалуйста, и поскорее одно стихотворение хорошее, и Константину Дмитриевичу (Бальмонту) передайте мою просьбу приложить тоже одно стихотворение хорошее. Я ему однажды писал об этом. Тут сборник один издан будет без гонорара. Сборник будет хороший, ничего такого не

будет, чтобы после жалеть: зачем дал стихи» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1020. Л. 28). Однако к Рождеству этот проект расстроился, завершившись ссорой Гуро с Ремизовым из-за разногласий, касавшихся состава участников будущего сборника (см. об этом: *Матюшин М. М.* Рабочая тетрадь. 1925—1931. Л. 30—33; *Блок А.* Дневники. М., 1989. С. 92).

17

Новгород. 28 Октя(бря) 1911 г(ода)

Дорогой Алексей Михайлович!

Большое спасибо за «Пруд».¹ Прочел я его и, к своему удивлению, вовсе не нашел таким таинственно непонятным, как привык считать его, слушая разговоры Ваших читателей. А Манганари, выросший в тех же условиях, что и Вы, узнал в нем себя. С этим Манганари я Вас хочу познакомить, ибо и Вы и он будете друг другу полезны.

Через день или два пошлю Вам лекции Середонина,² а вместе с этим письмом посылаю пока нечто для Серафимы Павловны.

Насчет своих именин скажу следующее: все крупные события моей жизни совершаются по 23-м числам и по тому же самому именины мои 23 мая, а не 8 ноября.³

Живу дикарем, писание идет очень медленно и уверенности в том, что я напишу когда-нибудь задуманное, — нет совершенно. На этот год мне, однако, не будет совестно промолчать, так как около Рождества выйдет моя книга с рассказами [1) У горелого пня 2) Крутоярский зверь 3) Птичье кладбище 4) Колобок 5) Черный араб]. Эту книгу издает «Знание»,⁴ согласившееся мне уплатить 300 руб(лей) сейчас и 50 руб(лей) в месяц до 1500 руб(лей). Благодаря этой комбинации, я стал крошечным рантьером и довольно долго могу не писать из-под палки.

Благодаря изданию книги завязалась у меня хорошая переписка с Горьким.⁵ Своими похвалами моих писаний он затмил даже Иванова-Разумника.⁶ Вообще с возможностью помещать свои рассказы устроился окончательно и нужно только писать.

От Раз(умника) Вас(ильевича)⁷ письма получал из «земного рая»,⁸ звал он меня к себе всерьез, но я себе избрал сидение в Новгороде и так и буду сидеть.⁹ Много здесь для меня интересного. Вот вчера купил на базаре Николу Угодника за 15 к(опеек); был он вовсе черный, а как протер его луком — Боже мой! — давайте сотни рублей, не отдам, вот какой Никола!

Перед Рождеством предполагаю на неделю появиться в Петербурге. Пока всего хорошего. До свиданья. Серафиме Павловне кланяюсь, прошу у ней извинения, если посылаемая мной ерунда ей не понравится.

М. Пришвин

Сегодня же отправлю лекции. Только палку не посылаю, а привезу сам, ибо что за нее деньги даром платить.

¹ В конце октября 1911 года вышел в свет четвертый том собрания сочинений Ремизова; в него вошла третья редакция романа «Пруд» (впервые был напечатан с редакционными сокращениями в 1905 году в журнале «Вопросы жизни»; затем в 1908 году опубликован петербургским издательством «Сириус» отдельной книгой). Третья редакция романа значительно отличалась от предыдущих, что обратило на себя внимание критиков и близких друзей, таких, как, например, Шестов, который писал по этому поводу: «(...) хотелось (...) прочесть твой исправленный „Пруд“. Вчера окончил чтение — и вот в немногих словах мое впечатление: новый, исправленный „Пруд“ почти неузнаваем» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 105). В рецензии на «Пруд» М. Кузмин писал: «О новом издании „Пруда“ Ремизова можно говорить почти как о новом произведении, до такой степени он переработан» (*Кузмин М.* Сочинения А. Ремизова, т. 4. Роман «Пруд». [Рец.] // Аполлон. 1911. № 9. С. 74). Подробнее об истории издания романа «Пруд» см.: *Ремизов А.* разных книгах // Воля России (Прага). 1926. № 8/9. С. 231—232.

² Середонин Сергей Михайлович (1860—1914) — профессор; читал лекции по исторической географии в Петербургском Археологическом институте, в котором училась С. П. Ремизова-Довгелло.

³ Имеются в виду дни памяти св. Михаила (23 мая) и Архистратига Михаила (8 ноября).

⁴ Первый том собрания сочинений Пришвина был выпущен в свет издательством «Знание» в самом конце 1911 года. Его состав был следующим: 1. У горелого пня; 2. Озеро крутоярое: Крутоярский зверь. Птичье кладбище; 3. Черный араб; 4. Из книги «Колобок»; 5. Из книги «О граде Невидимом».

⁵ Переписка с А. М. Горьким, начало которой было положено письмом от 13 сентября 1911 года, продолжалась практически до смерти Горького (см.: *Горький М. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1948—1955. Т. 29. № 78, 789, 834; Т. 30. № 1120; Горький и советские писатели. Неизданная переписка // Лит. наследство. 1963. Т. 70. С. 319—362).

⁶ Имеются в виду статьи Иванов-Разумника, в которых была дана чрезвычайно высокая оценка творчества Пришвина. См.: *Иванов-Разумник*. 1) Великий Пан (О книгах М. Пришвина) // Речь. 1911. 24 янв. № 23. С. 2; 2) Молодые силы (о XV альманахе «Шиповника») // Русские ведомости. 1911. 21 мая. № 115. С. 3. Один из ранних восторженных отзывов Горького о произведениях Пришвина прозвучал в его письме к А. В. Амфитеатрову от 9—10 ноября 1910 года: «Вчера ночью взял книжку — „Русской Мысли“ и на полчаса забылся в глубоком восхищении, — то же, думаю, будет и с Вами, когда Вы прочтете превосходную вещь Пришвина „Черный араб“. Вот как надо писать путевое, мимо идущее. Этот Пришвин вообще — талант» (*Горький М. Собр. соч.*: В 30 т. Т. 29. С. 140—141).

⁷ Р. В. Иванов-Разумник.

⁸ См. прим. 6 к п. 16.

⁹ 1 декабря 1911 года Иванов-Разумник писал Ремизову: «А о Пришвине вот что знаю: писал он мне, что 21-го ноября уже будет в Петербурге, а через неделю написал, что-де заложил велосипед и остался в Новгороде» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 115. Л. 39).

18

(1911 год)¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Хочу я приехать в этот понедельник в П(ете)рб(ург) ругаться со Знанием: денег не дают и ни черта с ними не выходит.²

Остановлюсь я у Алекс(андра) Мих(айловича) Коноплянцева, с к(ото)рым, если он будет свободен, вечером часов так в 8—9 толкнусь к Вам.

Хочу между прочими делами достать «Пруд» прежней редакции. Я помню, читал часть Пруда в журнале и впечатление было совершенно другое. Хочу я проверить: что же это? — я так изменился, или Пруд не тот?³ Читал в газетах, что «Посолонь» вышла⁴ и надеюсь у Вас ее получить.

Мои дела идут, но медленно, очень медленно.

Читал книгу Иванова-Разумника, вышло у него, благодаря подчеркнутой субъективности автора, гораздо лучше, чем в газетах, ибо не абсолютно взят, а с точки зрения нашего хорошего единственного Разумника Васильевича.⁵

Ну, пока всего хорошего. До свидания

М. Пришвин

¹ Датируется по содержанию, предположительно декабрем 1911 года. Сверху владельческая надпись П. Л. Вакселя чернилами: «пол 11-3-1914 № 3281»; рядом карандашом, возможно, рукой Ремизова: «1911».

² См. прим. 7 к п. 16 и прим. 4 к п. 17. Первого декабря 1911 года Иванов-Разумник сообщил Ремизову о Пришвине: «Продался он „Знанию“, а те ему денег не шлют и книги не печатают. Уж лучше в „Шиповник“» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 115. Л. 39).

³ См. прим. 1 к п. 17.

⁴ См. прим. 19 к п. 6. Недоразумение, так как «Посолонь», в своем расширенном виде составившая шестой том собрания сочинений Ремизова, вышла в свет лишь в феврале 1912 года. В ноябре 1911 года был выпущен пятый том, включавший в себя рассказы. Возможно, эта неточность закралась в печать потому, что по предварительному плану издательства «Шиповник» в пятый том должны были войти «Лимонарь» и «Посолонь». Об этом Ремизов писал И. А. Рязановскому в январе 1911 года: «Поправлял — готовил и приготовил, в конце концов, V т(ом) (Лимонарь, Посолонь, К-Морю-Океану, Разные сказки)» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 31. Л. 41, об.).

⁵ Имеется в виду том критических статей Иванова-Разумника «Творчество и критика» (СПб., [1912]. Т. II), в который вошла в расширенном варианте статья о Пришвине «Великий Пан» (С. 42—79), а также статья, посвященная творчеству А. Н. Толстого, но содержащая сравнительный анализ произведений Толстого и Пришвина, — «Алексей Толстой № 2-ой» (С. 71—79; первоначально она называлась «Молодые силы»). Ранее обе статьи были опубликованы в газетах (см. прим. 6 к п. 17). Сюда же был включен критический разбор произведений Ремизова «Творчество А. Ремизова» (С. 80—109). В статье «Великий Пан» Иванов-Разумник писал о Пришвине: «Пора понять, что М. Пришвин вовсе не „этнограф“, вовсе не объективный наблюдатель, вовсе не „эпик“, наоборот, он интимнейший из поэтов — и притом поэт космического чувства, поэт вселенского чувства, призванный бард светлого бога, Великого Пана» (С. 79).

(декабрь 1911 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю для Сераф(имы) Павловны несколько моих снимков. Если они ей понравятся, то отпечатаю потом и пришлю много. Вам посылаю зевающего Нептуна с Левушкой.²

Очень и очень жалею, что не удалось нам с Вами в этот приезд основательно потолковать. И уехал я опять-таки без «Пруда» в старой редакции.³ Вероятно, теперь по случаю выхода собр(ания) соч(инений) его можно дешево купить. Если это так и если случай подойдет и деньги будут, купите для меня. Я вам уплачу. В конце концов мне хочется установить причину перехода Вашего к «эпосу» в связи с общим поворотом в эту сторону. Для моего дневника⁴ это очень важно.

Ефрос(инья) Пав(ловна), жена моя, шлет Вам свою глубочайшую признательность за то, что Вы обрезали усы Ивану Александровичу.⁵ Много смеемся по этому поводу: Прометей остриженный.⁶

Получил сейчас письмо от Раз(умника) Вас(ильевича),⁷ что вот-вот приедет в Царское.⁸ Радуется, что двинулось у меня дело с повестью. Это будет, однако, не роман, как он думает, а раз в пять, десять увеличенный «Крут(оярский) зверь». В основе его — «Иван Осляничек обидяющий» и, быть может, заглавие дам такое же.⁹

Ну, будет! Взятся послать снимки и черкнуть пару слов и дошел уже до Осляничка.

Сераф(име) Павловне кланяюсь. Открыл для нее *залежи*¹⁰ старинного бисера¹¹ и думаю *как бы* его извлечь.

М. Пришвин

¹ Датируется по содержанию.

² Фотография сына Пришвина Льва (см. прим. 21 к п. 6) с собакой Нептуном хранится среди писем к Ремизову (см.: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 175. Л. 21).

³ См. прим. 1 к п. 17.

⁴ Дневники Пришвина, охватывающие в общей сложности полвека, являются неотъемлемой частью творчества этого писателя: «Наверное, это вышло по литературной наивности (я не литератор), что я главные силы свои писателя тратил на писание дневников» (Дневники. 1990. С. 400). Его раздумья о литературном ремесле нередко связаны с оценкой личности и произведений Ремизова. Не являясь каждодневной фиксацией событий, эти записи отражают духовный рост писателя, становление его художественного мастерства; об их значении Пришвин писал: «Сила и слава таких дневников в том, что они пишутся по необходимости роста сознания и только для этого. Я лично не уничтожаю их только потому, что, кроме самопознания, учусь в них просто писать и написанное мне часто потом годится» (Там же. С. 409).

⁵ И. А. Рязановский.

⁶ Должно быть, реакция на юмористический рассказ Ремизова о его парикмахерском искусстве, «всегда оканчивавшемся скандалом». «Жертвами» парикмахерского «мастерства» Ремизова, по рассказам самого писателя, были Ф. И. Щеколдин и Ю. Н. Верховский. Эти случаи описаны в его автобиографических книгах «Подстриженными глазами» (Ремизов А. Под-

стриженными глазами. Париж, 1951. С. 107—113) и «Иверень» (Berkeley, 1986. С. 187). История о «Прометее остриженном» в произведениях Ремизова не описана. Впрочем, возможно, что образ героя романа «Пруд» Дмитрия-Прометеев Мирского — обладателя усов, похожих на «крысиные хвостики», как и многие другие персонажи ремизовской прозы, представлял собой контаминацию некоторых черт характера, портретных описаний, принадлежавших конкретным людям из близкого окружения писателя, одним из которых был И. А. Рязановский.

⁷ Р. В. Иванов-Разумник.

⁸ С 1907 года Иванов-Разумник жил в Царском Селе под Петербургом (см.: Основные даты жизни и творчества Иванова-Разумника / Сост. Я. В. Леонтьев // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 38—40).

⁹ Повесть «Иван-Осляничек. (Из сказаний Семибратского кургана)» была напечатана весной 1912 года в журнале «Заветы» (№ 2. С. 5—30; № 3. С. 5—29). Ее название восходит к неканонической иконе «Иван Осляничек обидяющий», апокрифическое происхождение которой Пришвин объяснял в комментарии к первой публикации: «Об иконе „Иван-Осляничек“ записано мною в с. Брыни, Калужск. губ. со слов Татьяны-Одинокой: „Иван Осляничек обидяющий снимает обиды человеческие“. После я узнал, что существует икона св. Христофора с ослиным лицом и сказание о нем: св. Христофор, прекрасный лицом, смиряя себя перед Господом, выпросил себе звериную голову. По моему предположению, Иван-Осляничек и св. Христофор — одно и то же: св. Христофор у русского народа превратился в Ивана» (Заветы. 1912. № 2. С. 5).

¹⁰ Здесь и далее слова, выделенные нами курсивом, подчеркнуты Пришвиным.

¹¹ С. П. Ремизова-Довгелло была обладательницей большой коллекции вышивок из бисера, которая украшала ее комнату в Петербурге, а затем, в годы эмиграции, берлинские и парижские квартиры Ремизовых: «В углу, перед иконами, горела лампадка, освещающая розовым светом бисер, развешанный по стенам. Большая часть бисера вывезена из родного дома Серафимы Павловны Ремизовой, урожденной Довгелло (литовский дворянский род). Мать ее — Самойлович, они потомки гетмана. Бисерные изделия — искусная работа бабушек, теток, крепостных девушек: тончайшее рукоделие иглой или крючком: кошельки («бисерные кошельки» в сказке из *Посолони*), картинки, шкатулка, чубук» (Резникова Н. В. Огненная память. С. 23). В 1906 году интерес к этой коллекции проявил журнал «Золотое руно», о чем свидетельствует письмо редактора журнала С. А. Соколова к Ремизову: «Мы слышали, что у Вас есть несколько интересных старинных вышивок. А „Руно“ как раз подбирает в этом направлении материал для одного из №» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 207. Л. 1). Однако публикация снимков с раритетов из коллекции С. П. Ремизовой-Довгелло в журнале «Золотое руно» нами не обнаружена.

20

(конец декабря 1911 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович,

приходил ко мне некий человек из Новгор(одских) деятелей и рассказывал, что был он у Блока и узнал от него о Вашей предполагаемой поездке в Новгород. Сему человеку пришла мысль просить Блока прочесть в Новгороде о символизме, а Вас и меня рассказы для какой-то пользы. Денег они не дают, а хотя просто воспользоваться случаем (:) посещением Вами Новгорода.²

Что им ответить?

Мне больше не хочется, чем хочется, но если это нужно будет, прочту. А как Вы? Если нет, то и нет, и хорошо, а если да почему-либо, то напишите немедленно.

Вздумаете Вы ехать в Новгород, то надо выезжать в пятницу с Никол(аевского) Вокз(ала) в 1 ч(ас) ночи, приедете в субботу утром, в семь. Если с дороги пожелаете основательн(о) отдохнуть, то поезжайте в Соловьевскую гостиницу (а мне напишит(е), когда прийти, или лучше сами явитесь); если же отдыхать не нужно, то остановитесь у меня, Вас примет Лев.³

Вечером в Софийском соборе знаменитая всенощная (в субботу) и заглянуть туда будет хорошо. Днем же можно съездить в Спас-Нередицу⁴ и Юрьевский монастырь.⁵ Останется целое воскресенье для Антоневского монастыря⁶ и проч(его). Сие примите к сведению на случай, (если) живот поправится совсем (с больным живо-

том и не думайте: наша узкоколейная трясушка препротивная).⁷ Назад в Воскрес(енье) ночью, утром в Петерб(урге).

А насчет Ослинычека — эх Вас! Основного вреда в этом, конечно, нет,⁸ а только удовольствие, но в смысле практическом есть неудобство: и так уже пишут, что Пришвин подражает Ремизову⁹ и... А. Толстому.¹⁰ Что Вы с этим поделаете?

Но я думаю, у Вас в рассказе нет самой легенды, а только слово и потому ничего.¹¹ А у меня эта икона повторяется в рассказе тысячу раз. Ну, оставим это: пустяки! Расстройте это меня и мои планы совершенно не может.

Три листа моей книги уже отпечатаны (1. У Горел(ого) пня. 2. Крут(оярский) зверь), недели через три пришло и я Вам свой том.¹²

Кланяюсь Сераф(име) Павл(овне). Залежи старин(ного) бисера у Карасевой!¹³ Через Алекс(андра) Михайловича можно извлечь. Извлечем.

М. Пришвин.

¹ Датируется по содержанию.

² Ср. в письме А. Блока к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 5 декабря 1911 года: «Мама, я все забываю тебе сказать, что почти все твои книги ушли в библиотеку в Новгород, за ними приходил ко мне очень милый новгородский интеллигент (...). Кажется, недурно было бы уехать на несколько дней, но не знаю куда, да и не решаюсь (...). В Новгороде заставят читать стихи или лекцию» (Письма Александра Блока к родным. Т. 2. С. 187). Предполагаемая поездка в Новгород не состоялась.

³ Л. М. Пришвин (см. прим. 21 к п. 6).

⁴ Имеется в виду небольшое село Новгородской губернии, известное своей древней церковью Спаса Преображения, построенной в 1198 году князем Ярославом Владимировичем. Церковь расписана уникальными фресками XII и XIII веков.

⁵ Юрьев-Георгиевский или Егорьевский мужской монастырь, расположенный под Новгородом, на левом берегу р. Волхов, основан в 1030 году великим князем Ярославом Владимировичем, в святом крещении Юрием (Георгием).

⁶ Антониевский монастырь в Новгороде основан св. Антонием в 1106 году, по преданию, приплывшим на камне из Рима.

⁷ Имеется в виду обострение язвенной болезни у Ремизова (см. прим. 1 к п. 9).

⁸ Вероятно, узнав о желании Пришвина написать повесть, в качестве ключевого мотива которой должна была выступить апокрифическая икона Ивана Ослинычека обидящего (см. прим. 9 к п. 19), Ремизов предупреждал его о том, что использовал название этой иконы в своем рассказе «Петушок», который появился в печати уже в первой половине декабря 1911 года (Альманах издательства «Шиповник». СПб., 1911. Кн. 16. С. 205—221).

⁹ Действительно, в силу общего интереса к фольклору у этих писателей, а также единства принципов использования этнографического материала в художественных произведениях, бытовало расхожее представление о зависимости творческой манеры Пришвина от стиля Ремизова (см., например, мнение В. Я. Брюсова о рассказе «Птичье кладбище», приведенное в прим. 4 к п. 12). Индивидуальность прозы Пришвина отставив в своих критических статьях Иванов-Разумник. Однако и он, прочитав повесть «Иван-Ослинычек», отметил в ней влияние Ремизова: «Люди, лишенные художественного слуха и не умеющие различать полутонов, часто считают стиль А. Ремизова и М. Пришвина тождественным. Это грубая ошибка. М. Пришвин, конечно, прошел через Ремизова; и там, где он старается быть чрезмерно хитрым и нарочито тонким в своем творчестве, там, где он хочет писать „завитушками“, — там, действительно, он иной раз очень близок к Ремизову. Так было, например, в „Иване Ослинычке“, известном читателям „Заветов“ (см. №№ 2 и 3). Но там, где Пришвин находит свойственный себе строгий и четкий тон, там, где он перестает стараться, где перестает писать завитушки в стиле „московского рококо“, — там у него свое лицо, свой запах, свой творческий уклад» (Иванов-Разумник. Черная Россия («Пятая язва» и «Никон Староколенный») // Заветы. 1912. № 8. С. 40—58).

¹⁰ Подразумевается рецензия С. Ауслендера на пятнадцатую книгу альманаха издательства «Шиповник» (СПб., 1911), в которой соседствуют рассказ Пришвина «Крутоярский зверь» и повесть А. Толстого «Две жизни». В этой рецензии было сделано следующее наблюдение: «Близко, очень близко к Толстому примыкает Пришвин в своем рассказе „Крутоярский зверь“. Тот же быт, те же ухватки, и даже в языке есть много близкого. Но слабее, скучнее, без той остроты и забавности, что у Толстого» (Ауслендер С. Альманах «Шиповник», книга XV. СПб., 1911 // Речь. 1911. 23 мая. № 139. С. 3).

¹¹ В первой редакции рассказа Ремизова «Петушок» (см. прим. 8 к наст. п.) название иконы Ивана Ослинычека обидящего употреблено дважды в заключительном фрагменте: « — Пошла я, батюшка, — тихо еще тише, рассказывала бабушка, — пошла я свечечку поставить Ивану Ослинычеку обидящему, хочу поставить, а рука не подымается. (...) сжимала она све-

чекку Ивану Осляничекку обидяющему, угоднику Божию, который обиды принимает безвинные, горькие, смертельные, все...» (С. 221). Но показательно то, что уже во второй редакции рассказа, вошедшего в ремизовский сборник «Подорожие» (СПб., 1913. С. 11—42), эта икона была заменена на «Божью Матерь обидящую» (Там же. С. 41).

¹² См. прим. 4 к п. 17.

¹³ Неустановленное лицо. См. также прим. 11 к п. 19.

21

(Новгород) 26/II (19)12¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Сарматской карты (?)² собственной у меня нет, а просить неудобно: тому господину нужна она. В пр(о)даже стоит рублей десять.

Посылаю Вам привет свой из любезного мне Новгорода и Серафиме Павловне глубокий поклон. С радостью у(з)нал от Раз(умника) Вас(ильевича)³ о ее выздоровлении. — Адрес мой: Нов(город). Тихвинская, д. Ушакова.

¹ Открытое письмо; на штемпелях: Новгород. 27. 2. 12; Петербург. 28. 2. 12.

² Предположительно речь идет об издании: Кулаковский Юл. Карта Европейской Сарматии по Птоломею. Киев, 1899. Эта карта могла понадобиться С. П. Ремизовой-Довгелло, изучавшей историческую географию в Петербургском Археологическом институте.

³ Р. В. Иванов-Разумник.

22

40 мучеников (1912 год)¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Вот такая просьба к Вам. Алекс(андр) Мих(айлович) Коноплянец просится в журнал,² что-нибудь ему там бы делать такое небольшое, лишь бы зарабатывать немного и попривыкнуть к журн(альному) труду. Очень это ему нужно. Не годится ли он Вам в помощники при чтении рукописей: вкус у него литературный есть, трудоспособность и аккуратность огромные. Разумн(ику) Васильев(ичу)³ я о нем говорил, и Вы тоже скажите. Пусть он не боится его черносотенства (из-за Леонтьева).⁴ Придет Алекс(андр) Мих(айлович) к Вам, и Вы поговорите с ним об этом,⁵ сам-то он не начнет. Ну, вот, пожалуйста! Я ему сообщал, что буду писать Вам о нем, значит, он рта еще не раскроет, а Вы скажите, как тут дело обстоит.

Досадная вышла история в последний приезд мой: собрался к Вам, да в «Знании» задержали до поезда и никак нельзя было навестить Вас.

Был у Гершензона⁶ и узнал у него, что я роман пишу, «как Война и мир и даже больше: из четырех поколений». А романа-то никакого у меня и не вышло — всего-навсего повесть пока листа в три. Скоро (на той неделе) приеду устраивать ее.⁷

Надеюсь получить от Вас при близком свидании «Посолонь».⁸

Живу в Новгороде хорошо.

До свидания. Серафиме Павловне пожелайте всех пятерок на экзаменах⁹ и низкий поклон.

М. Пришвин

¹ День памяти свв. сорока мучеников севастиийских при Ликинии в 320 году отмечается православной церковью 9 марта. По содержанию письмо может быть датировано серединой марта 1912 года.

² Подразумевается журнал, о проекте которого сохранилась следующая запись Иванова-Разумника: «В конце 1911-го и начале 1912 года шли переговоры между издательством „Шиповник“, с одной стороны, и Ивановым Разумником и Ал. Бенуа, с другой, - об издании в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. Бли-

жайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов, в отделе художественном — К. С. Петров-Водкин и группа „левых мир-искусственников“, имея „теоретиком“ Конст. Эрберга. Политического и общественного отделов не было, — литературно-художественная „левизна“, вплоть до нарождавшегося тогда футуризма, определяла собою лицо и направление предполагавшегося журнала» (*Иванов-Разумник Р. В.* «Письма А. М. Пешкова к Иванову-Разумнику (краткие комментарии) // ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1). Этот замысел так и не был осуществлен. Отчасти идея подобного издания реализовалась с созданием в апреле 1912 года журнала «Заветы». Иванов-Разумник, в сентябре 1912 года возглавивший в «Заветах» отдел «Литература и общественность», немало содействовал тому, чтобы Ремизов стал ведущим автором этого журнала (см.: Письма Иванова-Разумника В. С. Миролюбову // ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 563).

³ Р. В. Иванов-Разумник.

⁴ Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — русский писатель, публицист, литературный критик, философ; автор одной из программ «спасения России» от разрушительных для национального самосознания революционных потрясений и капитализма, которая заключалась в возрождении византийской культуры, сильной монархической власти и церковномонархического христианства, а также в укреплении национальной самобытности. А. М. Коноплинцев, занимавшийся литературной деятельностью «для души», был искренним приверженцем идей Леонтьева. В 1911 году его стараниями был подготовлен литературный сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (СПб., 1911), в который, в частности, вошли публикации Коноплинцева: «Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его мирозерцания» (С. 1—142) и «Сочинения К. Н. Леонтьева и литература о нем (библиографические данные)» (С. 403—424).

⁵ Устроить Коноплинцев на работу в какой-либо журнал, по-видимому, не удалось, но все же осенью 1912 года Ремизов пытался помочь ему, оказывая протекцию в новую газету «Русская молва», редактором которой по его же рекомендации стал Б. А. Садовской (см. письмо А. М. Ремизова Б. А. Садовскому от 18 ноября 1912 года: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 6; его фрагмент см.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 406). Тем не менее и эта попытка закончилась лишь ссорой Садовского с главным редактором «Русской молвы» С. А. Адриановым (см.: Садовской Б. А. Записки // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Л. 126; фрагмент опубл.: Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 406).

⁶ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли; владелец, вместе с С. Ю. Копельманом, издательства «Шиповник», охотно печатавший произведения Ремизова и Пришвина в одноименном альманахе. Пристально следил за творческим ростом Пришвина, о чем свидетельствует содержание его письма к Ремизову от 3 марта 1911 года: «Михаилу Мих(айловичу) скажите, что я с наслаждением читаю его книги, что больше всего мне нравится „В краю непуганых пт(и)ц“, а Черный араб, как ни хорош, кажется мне слабее, как и Колобок, который я впрочем еще только читаю. — Мне кажется, что вся сила его в наивности, т. е. когда он радостно рассказывает, что видел и слышал в царстве „Великого Пана“ (как говорит Р(азумник) В(асильевич)). Что Пан рассказывает человеку, это можно только пересказать, — т. е. не всякий может, а М(ихаил) М(ихайлович) может; но извлечь из того философию нельзя, тут, как в искусстве, вся философия — в самых образах и в способе их изображения. И мне кажется, что М(ихаил) М(ихайлович) на опасном пути: он хочет осмыслить П(анову) мудрость, может быть испорченный Петербургом, Мережковским, Шестовым и пр(очими). У него глаза открыты на природу, как редко у кого, и то, что он так радостно видит, он умеет и рассказывать чудесно (это одно и то же). Еще зорче смотреть, еще глубже погружаться в вещи природные, сделатьсь весь — глаз, весь — жадность зрения, слуха, обоняния, — вот его путь, и чем сильнее будет в нем эта жадность, тем больше мудрости, но несказуемой, будет в его книгах. Очень понятно, что, как человек, он хочет *понять* то, что, войдя через глаза, дымными волнами клубится в его душе. Но *понять* умом — не ценно, *поняв*, он обедняет и сам, и для других; а есть другой путь — убить себя как личность и воскреснуть как художник, а именно, как я сказал, — не стараться *понять*, а стараться еще лучше видеть: тогда душевный туман — не родит из себя жалкую человеческую философию, а просто весь поднимается, пронизанный солнцем, и станет в душе — солнце и солнце, радостный безмысленный свет» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 87. Л. 8—8, об.).

⁷ Повесть «Никон Староколенный» (см. прим. 3 к п. 16).

⁸ Речь идет о шестом томе собрания сочинений Ремизова (см. прим. 4 к п. 18).

⁹ Весной 1912 года С. П. Ремизова-Довгелло сдавала выпускные экзамены в Археологическом институте. По окончании экзаменов, 10 (23) июня 1912 года, Ремизов писал И. А. Рязановскому: «Во первых строках Вам поклон и благодарность от Серафимы Павловны за книги археологические. Археолог(ический) институт она кончила, действит(ельного) члена получила, а книги Ваши в порядке лежат у меня, в одну грудку сложенные» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 34. Л. 27).

6-го Октяб(ря) 1913 г(ода)

Алексей Михайлович, я вчера не успел Вас с Ангелом поздравить,¹ кроме родных, никого не поздравляю и не чувствую в этом греха, а вот за Вас меня совесть грызет. Так что, хоть и поздно, а все-таки я поздравляю Вас с Ангелом, хороший мой Алексей Михайлович, первый и единственный (да еще Разумн(ик) Васил(ьевич)),² кто встретил меня в литературе душой.³ Это ничего, что я у Вас теперь редко бываю — Вы для меня точка постоянная. Привет мой Серафиме Павловне.

М. Пришвин

P. S. Вчера на лекции⁴ узнал от Чуковского,⁵ что знаменитый сборник «Садок Судей», который мы вместе с Вами распространяли, 1(-)е его издание стоит теперь 50 руб(лей) экземпляр. А у меня их еще порядочно⁶ — вот еще как разбогатеть-то можно!

Ропшинская 30 А, кв. 17.

¹ 5 октября православной церковью отмечается день Святителя Алексея.

² Р. В. Иванов-Разумник.

³ В очерке «Охота за счастьем» Пришвин писал о начале своего творческого пути: «Мои писания имели успех прежде всего в высших литературных кругах. Ремизов с Ивановым-Разумником взяли о мне говорить, — первый в своем многочисленном петербургском литературно-художественном обществе, второй написал большую статью» (*Пришвин М. Собр. соч. Т. 4. С. 248*; см. также прим. 6 к п. 17 и прим. 5 к п. 18). Один из первых похвальных отзывов Иванова-Разумника о Пришвине встречается в письме критика к Ремизову от 26 сентября 1910 года, в котором идет речь о рассказе «Черный араб»: «(...) посылаю Вам гранки со статьей Пришвина. Да где он сам, кстати? Когда увидите его — поклонитесь от меня и скажите, что сильно мне понравился этот его рассказ (— положим не рассказ, а что-то «путевое» — и очень «путевое», пусть извинит за неудачный каламбур). А еще скажите, что очень рад был бы его у себя повидать (...) И, наконец, — что, мол, не забыл ли он своего обещания выслать мне свою первую книгу («В стране непуганых птиц»)» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 115. Л. 29).

⁴ 5 октября 1913 года в Тенишевском зале (Моховая, 33) состоялась лекция К. И. Чуковского «Искусство грядущего дня. Русские поэты-футуристы». Содержание этого выступления подробно пересказано в статье, подписанной «В.», «Лекция К. Чуковского о футуризме» (Речь. 1913. 7(20) окт. № 274. С. 3).

⁵ Чуковский Корней Иванович (наст. имя: Корнейчуков Николай Васильевич; 1882—1969) — литературный критик, переводчик, детский писатель, автор статей о символистах, в том числе и о Ремизове (см., например, статью Чуковского «Веселое кладбище» (Речь. 1909. № 72. 5(28) марта. С. 2); см. также письма Чуковского к Ремизову (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 237)). В начале 1910-х годов Чуковский читал публичные лекции о футуризме (см. прим. 4 к наст. п.). Нередко его совместные выступления с футуристами заканчивались скандальными происшествиями. См. об этом: «Среди футуристов» // *День*. 1913. 8 нояб. № 303. С. 3; *Чуковский К. Футуристы (1914)* // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 234.

⁶ Подразумевается первый футуристический сборник «Садок судей», который был напечатан в 1910 году в петербургской «Типографии Кюгельгена и К^о» тиражом 300 экземпляров. Второй сборник «Садок судей» вышел в 1913 году в издательстве «Журавель». В анонсе, помещенном в конце этой книги, сообщалось о том, что первый сборник уже распродан, но, тем не менее, «оставшиеся в небольшом количестве» экземпляры продавались в магазине И. И. Митюрникова (Литейный, 31). Сведения о распространении сборника «Садок судей». 1» Ремизовым и Пришвиным мы не располагаем. Лишь в качестве предположения приведем здесь недатированное письмо А. Н. Толстого к Ремизову, в котором, возможно, речь идет о части тиража этого сборника: «За присылку книг постараюсь устроить Вам такую же какую-нибудь гадость. Пришвин пешком их тащил с Таврической, думал, говорит, ценные рукописи или еще что, а как развернул, изругал Вас куриным словом» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 217. Л. 1). Это письмо можно соотнести с дневниковой записью Пришвина, воссоздающей события конца 1910 года: «Случилось однажды, Ремизов попросил меня занести какие-то книги А. Н. Толстому, который жил недалеко от меня» (*Пришвин М. Собр. соч. Т. 4. С. 706*). Несомненно, сам прецедент распространения «Садка судей» имел место благодаря давнему знакомству Ремизова с участниками этого сборника В. Д. и Д. Д. Бурлюками, которое состоялось в Херсоне в 1903 году, когда Ремизов с женой снимали комнату в их доме (см.: *Ремизов А. Кукха. С. 77*; На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. С. 493; *Бурлюк Д. Воспоми-*

нания отца русского футуризма / Публ. Е. Чижова и Д. Ксенина // *Минувшее: Исторический альманах*. Париж, 1988. Вып. 5. С. 7—53). Формировавшийся в начале 1910-х годов русский футуризм интересовал Ремизова своими экспериментами в области книжной графики и словесного творчества. В 1910 году писатель впервые экспонировал образцы своего каллиграфического искусства на выставке «Треугольник — Венок» вместе с В. и Д. Бурлюками, В. Каменским и Е. Гуро, а в 1915-м выступил вместе с футуристами в сборнике «Стрелец» (Пб.). О Ремизове и футуристах см.: *Баран Х. К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников* / Пер. М. А. Кронгауза // *Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века*. М., 1993. С. 192—193; *Ремизов А. Неизданный «Мерлог»* / Публ. А. Д'Амелия // *Минувшее: Исторический альманах*. М., 1991. Вып. 3. С. 210; *Маркадэ Ж. К. Ремизовские письма* // *Approaches to a protean world*. Columbus, 1987. P. 123—125; *Гурьянова Н.* Ремизов и «будетляне» // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы*. С. 142—150. Указывая последнюю статью, считаем необходимым внести небольшую поправку. В статье Н. Гурьяновой утверждается, со ссылкой на А. Е. Парниса, что само название сборника — «Садок судей» — является изобретением Ремизова. В личной беседе с А. Е. Парнисом все же выяснилось, что это недоразумение, и факт не имеет подтверждения. В этой же статье знакомство Ремизова с В. и Д. Бурлюками ошибочно отнесено к 1905 году.

24

(30 декабря 1913 года)¹

Серафиму Павловну и Алексея Михайловича с Новым Годом поздравляет Осман.

¹ Почтовая карточка. На обороте фотография «Носильщик курбана» из серии «Типы Бахчисарая». Датируется по штемпелю: Петербург. 30. 12. 13. Сверху, над текстом письма, — владельческая надпись П. Л. Вакселя чернилами: «№ 3576»; внизу рукой Ремизова: «Пришвин Мих(айл) Мих(айлович)». Выбор открытки, по-видимому, был связан с воспоминаниями Пришвина о поездке в Крым в июле 1913 года.

25

Пересыльная тюрьма. (Казачий плац)

3(-)го января (1918 года)¹

1(-)е письмо в Новом году.

Дорогой Алексей Михайлович! арестовали нас кучей:² (и Розов тут!)³ и тот некий,⁴ который пришел купить Волю Народа.⁵ Из этого заключаю, что должны ж выпустить; но, говорят, что может быть сидение будет и долгое.⁶ Прошу Вас сотворить легенду: например, позвоните Семену Афан(асьевичу) Венгерову⁷ — председат(елю) литер(атурного) общ(ества) и пошиборшите. Я не член редакции,⁸ к партии не принадлежу; у меня отобрали портфель со многими рукописями (и Вашими), в том числе и стихи Верховского «о некоем монахе». Я требовал портфель со стихами и согласно с говорившими: я — Член Учр(едительного) Собр(ания), говорил: «А я русский писатель!» На это получил ответ: «После 25-го октября это не считается!»⁹

Сижу в общей с чиновниками-саботажниками, все хорошие люди, весь состав редакции Воля Народа со мной, Аргунова¹⁰ и Сорокина¹¹ услали в Петроп(авловскую) крепость. Вам кланяются: Чернов¹² и Фрид.¹³

Перехожу к просьбам. Для свидания нужно разрешение на Гороховой 2¹⁴ и приходиться во вторник и пятницу (от 12 до 4(-)х) причем, как говорят, настойчивая дама может добиться разрешения свидания во все дни и по этому разрешению ходить могут все. Попросите Марию Михайловну, как мою родственницу,¹⁵ немедленно проделать это и открыть дорогу Вам посетить меня в хороший день.

Посылки принимаются каждый день и вот о чем попросите Марию Михайловну немедленно: пусть она сходит к Ефрос(инье) Антон(овне),¹⁶ которая доставит мне следующее:

Полушубок и брюки¹⁷
 Наволочку чистую и две простыни
 Две смены белья
 1 фунт) масла (отвешенный, за окном)
 Сыр с окна
 Высокая круглая коробка на столе с трубочным табаком
 Красная ручка и перья. Высокие сапоги
 Желтый карандаш
 Купить десть бумаги

И больше ничего и уложить в корзинку, чтобы, когда выпустят, я мог унести ее сам.

Точный адрес: Пересыльная Тюрьма, Казачий плац, Константиноградская 6, ехать трамвай (Так. — Е. О.) на Николаевс(кий) вокз(ал) и потом пешком.

Если посылка для переноса окажется слишком тяжела, то сапоги можно не брать.

Мой привет и низкий поклон Марии Михайловне и Ефрос(инье) Антон(овне), (на) которых со смущением навязываю это хлопотливое дело.

Прошу Марию Михайловну доставить Вам фунт табаку, имею (кроме трубочного) 1/4 ф(унта), к чему необходимо купить несколько листов или книжек папирсной бумаги.

Если через несколько дней не выпустят, и Воля Народа попадет в положение безнадежное, хорошо Вам кого-нибудь командировать в типографию для извлечения Голубого знамени, Леонида Семенова и проч(его) (в корректуре) для напечатания¹⁸ и извлечения нужных денег.

Пишу в присутствии 20-ти человек и потому затрудняюсь сказать что-нибудь о своем настроении: мне кажется все несерьезным, хотя если бы и такую взять крайность, как смертоубийство, — то и это как-то несерьезное дело. А еще, что тюремное сидение есть точное изображение тому состоянию духа, которое мы все испытываем теперь дома.

Кланяюсь низко Серафиме Павловне, которой сидение в тюрьме хорошо знакомо: сидим и сидим!¹⁹

Если увидите Разум(ника) Вас(ильевича),²⁰ то поклонитесь ему и скажите ему, что мои слова сбываются, я говорил ему: я — не действую в политике и непременно попадусь, а он действует и хочет попасть, но не попадет.²¹ А значит, за мной и правды больше.

До свидания, М. Пришвин

¹ Сверху красными чернилами рукой Ремизова помета: «4 I 1918 8 ч(асов) в(ечера)». Под текстом письма наклеен фрагмент конверта; на штемпелях: Петроград. З.1. 18.

² 5 января 1918 года в редакционной статье «Воли страны» (бывшей «Воли народа») сообщалось, что 2 января в редакции и конторе газеты был произведен арест всех граждан, среди которых находились «не только ответственные редакторы газеты, в том числе члены Учредительного Собрания А. А. Аргунов и П. А. Сорокин, но и служащие конторы и типографий: экспедиторы, управляющий типографией, секретарь редакции М. Е. Аргунов, и весь штат хроникеров, пришедших за получением гонорара. Арестован заведующий хроникой С. Б. Фрид, редактор литературного отдела, известный писатель М. М. Пришвин, и лица, зашедшие в помещение редакции и конторы по тем или иным мотивам» (От редакции «Воля Народа» // Воля страны. 1918. 5 янв. № 1. С. 1). Ср. с записью в дневнике З. Н. Гиппиус: «Третьего дня разгромили редакцию „Воли Народа“ (эсеры), арестовали Пит. Сорокина, Аргунова, Гуковско-го и еще сотрудинок, даже Пришвина!» («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подг. текста М. М. Павловой. Вступ. статья и прим. М. М. Павловой и Д. И. Зубарева // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 41). Отчасти арест был инспирирован покушением на Ленина 1 января 1918 года.

³ Розов Борис Александрович (? — 1941) — писатель, сотрудник журнала «Русская мысль». В архиве Ремизова хранится письмо Розова от 10 июня 1912 года (РНБ. Ф. 634. Оп. 1.

Ед. хр. 184). Он упоминается в статье С. Г. Фрида, бытописующей дни заключения в Пересыльной тюрьме: «А из смежной камеры хороший баритон молодого беллетриста Розова одиноко тоскует: „Люблю ли тебя, я не знаю, / Но кажется мне, что люблю...”» (*Фрид С. Записки «рецидивиста»*. (Из Пересыльной тюрьмы) // *Воля страны*. 1918. 18 янв. № 3. С. 2).

⁴ Подразумевается присяжный поверенный Яков Яковлевич Селюк, арестованный по ошибке. Ср. в статье «Обыск и аресты в редакции и конторе „Воля Народа”»: «Тут и прис. пов. Я. Ф. (Так. — Е. О.) Селюк, зашедший случайно в редакцию (...)» (*Воля страны*. 1918. 5 янв. № 1. С. 1).

⁵ «Воля народа» — ежедневная, литературно-политическая газета, издававшаяся правыми эсерами под редакцией А. А. Аргунова, И. А. Гуковского, В. С. Миролюбова (выбыл из состава редакторов с сентября 1917 года), П. А. Сорокина, Е. А. Сталинского. Газета, первый номер которой появился 29 апреля 1917 года, выходила регулярно до конца ноября. В ночь с 25-го на 26 ноября «Воля народа» в первый раз подверглась репрессиям со стороны большевиков: редакция была насильственно закрыта, а очередной номер газеты арестован. Вследствие этого в период с 26-го ноября по 1 декабря газета каждый день меняла свои названия: «Воля Вольная», «Вольная», «Народная», «Воля свободная». С января 1918 года преследования большевиков ужесточились (см. прим. 2 к наст. п.), выход этого издания (уже под названием «Воля страны») был чрезвычайно затруднен политической ситуацией; последний номер вышел 19(6) февраля. Попытка реанимировать «Волю народа» после ее закрытия Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 19 февраля выразилась в выпуске единственного номера под названием «Воля земли» (1918. 21(8) февраля). В апреле «Воля народа» возродилась к жизни в виде еженедельника с литературным отделом «Россия в слове», но просуществовала только до 19 мая. Первая публикация Пришвина в «Воле народа» относится к сентябрю 1917 года (*Пришвин М. Земля и власть* // *Воля народа*. 1917. 10 сент. № 115. С. 2); с этого времени его имя упоминалось в списке ближайших сотрудников газеты вместе с Б. В. Савиновым, Ф. А. Степунуном, П. Витязевым, Вяч. Шишковым и др. Именно на страницах «Воли народа» Пришвин выступает в роли хроникера петроградской жизни революционных лет. Непосредственно после Октябрьского переворота он практически ежедневно помещает в газете очерки открыто антибольшевистского характера, которые составили цикл с подзаголовком «Из дневника» (републикацию наиболее ярких из них см.: М. М. Пришвин и революция. (Из публицистики 1917—1918 гг.) / Публ. В. Фатеева // *Новый журнал*. 1994. № 4. С. 80—92). Став редактором литературного приложения «Воли народа», Пришвин пригласил к сотрудничеству Ремизова, разделившего с ним взгляды на октябрьские события и эксцессы революционного времени. Таким образом, одно из самых сильных произведений Ремизова, написанных в этот период («Слово о погибели земли русской»), увидело свет на страницах «Воли народа» (см.: *Иезуитова Л. А. Указ. соч.* С. 67—80).

⁶ Пришвин находился в заключении со 2-го по 17 января 1918 года. По выходе из тюрьмы он опубликовал в «Воле страны» ряд очерков, посвященных этому: «Капитан Аки» (20 янв. № 5. С. 2), «Станок соглашений (Письмо узникам)» (23 янв. № 7. С. 2), «Суд есть сила греха (Из тюремного опыта)» (24 янв. № 8. С. 2). См. также упоминание о Пришвине во «Взвихренной Руси» Ремизова: «— Пришвина так же грешно в тюрьме держать, как птицу в клетке!» (С. 365).

⁷ Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, библиограф, профессор Санкт-Петербургского университета.

⁸ Свое положение в газете «Воля народа» Пришвин всегда объяснял уклончиво. Так, в октябре 1917 года он отмечал в дневнике: «Одно из сит демократии — „Воля Народа”, в которой я теперь по недоразумению пребываю, исповедует чистую наивную веру в русскую демократию. Это самый невинный орган и чистый от искуательства „демонов”» (*Дневники*. 1991. С. 375). 29 ноября 1917 года Пришвин писал Александре Чеботаревской о собственной роли в «Воле народа»: «Прятого, что вы сочувствуете воленародцам, которым я влезал помогать (...)» (*ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 140. Л. 1*; на бланке редакции «Воли народа»). Между тем ко времени его ареста при газете вышло три выпуска литературного приложения «Россия в слове», официальным редактором которого являлся Пришвин (подробнее об этом см. прим. 6 к п. 27).

⁹ Ср. в статье «Обыск и аресты в редакции и конторе „Воли народа”»: «В числе „подозрительных” оказался писатель М. М. Пришвин. — Ваша фамилия? — Писатель Пришвин. — Как? — Пришвин, если бы вы были грамотным человеком, вы бы знали мое имя. — Вы, товарищ, пишете в „Воле Народа”? — Я вам, сударь, не товарищ. Люди, производящие такие безобразия, чинящие насилия, не могут быть моими товарищами. Взволнованный М. М. долго и горячо говорит с комиссаром и солдатами. Ни за что не хочет расстаться с портфелем рукописей, среди которых имеются рассказы Ремизова и др., требует опечатания портфеля» (*Воля страны*. 1918. № 1. С. 1). См. также: *Дневник*. 1994. С. 6, 22. Вероятнее всего, подразумеваются рукописи, первоначально предназначавшиеся для новогоднего выпуска литературного приложения «Россия в слове» (см. прим. 6 к п. 27), среди которых были «Россия в письмах» Ремизова (см. прим. 3 к п. 27) и стихи Ю. Н. Верховского. Возможно, именно они были опубликованы 17 января 1918 года:

Горит звезда багровая
 Над нашей головой.
 Без пищи и без крова я —
 Не мертвый, не живой.
     Дрожа, за подаaniem
     Не тянется рука;
     Звезда томит сиянием,
     Колюча и близка.
 Лежу под твердью пламенной —
 Да близкой чередой
 Восстану с волей каменной
 И в сердце со звездой.
     Пускай же тусклой тучею
     Не тмится твердь моя: —
     Под той звездой колочкою
     В дремоте забытья.

(Воля народа. 1918. 17 янв. № 2. С. 1)

¹⁰ Аргунов Андрей Александрович (1867—1939) — деятель русского революционного движения, эсер, редактор газеты «Воля народа».

¹¹ Сорокин Питирим Александрович (1889—1968) — активный деятель правого крыла эсеровского движения, один из редакторов газеты «Воля народа» (о его публицистике в этом издании см.: *Иезуитова Л. А. Указ. соч. С. 72—76*); крупнейший русский и американский социолог (см. об этом: Об одном неосуществленном издательском замысле (Письма П. А. Сорокина к П. Витязеву) / Вступ. заметка и публ. С. А. Батюто // *Русская литература. 1993. № 1. С. 182—190*).

¹² Чернов Владимир Михайлович — поэт; печатался на страницах «Воли народа» и ее литературного приложения «Россия в слове»; под впечатлением тюремного заключения написал статью «История повторяется (В Пересыльской тюрьме)» (Воля страны. 1918. 23 янв. № 7. С. 2).

¹³ Фрид Самуил Борисович — журналист, заведующий хроникой в газете «Воля народа». По выходе из тюрьмы Фрид опубликовал статью «Записки „рецидивиста“ (Из Пересыльской тюрьмы)» (Воля страны. 1918. 18 янв. № 3. С. 2).

¹⁴ На Гороховой, 2 находилась Петроградская ЧК.

¹⁵ Имеется в виду Мария Михайловна Раздольская — знакомая Пришвина. Ср. запись в его дневнике: «Тюремной невестой мне досталась барышня из обсерватории» (Дневник. 1994. С. 5). В архиве Ремизова хранится постоянный пропуск в Пересыльную тюрьму за № 606 от 8 января 1918 года на имя М. М. Раздольской для посещения арестованного Пришвина (ИРЛИ. Ф. 182. Оп. 4. Ед. хр. 4).

¹⁶ Подразумевается хозяйка квартиры Пришвина на Васильевском острове.

¹⁷ Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Пришвиным.

¹⁸ Речь идет о рукописях, предназначавшихся для публикации в несостоявшемся новогоднем выпуске литературного приложения «Россия в слове» (см. прим. 4 и 6 к п. 27). В состав этого выпуска был включен рассказ Пришвина «Голубое знамя», автограф которого находится в архиве ИРЛИ (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 346); см. также черновой набросок этого рассказа в дневнике Пришвина (Дневники. 1991. С. 394—395). «Голубое знамя» было напечатано в «Воле страны» вскоре после выхода Пришвина из тюрьмы (Воля страны. 1918. 19(6) февр. № 17. С. 2). В отличие от рассказа Пришвина, анонимная статья «О Леониде Семенове» так и не была опубликована. Вероятно, она была написана под впечатлением известия о трагической гибели поэта в декабре 1917 года (см.: *Ремизов А. Дневник 1917—1921. С. 472*).

¹⁹ Речь идет о «тюремном опыте», который был получен С. П. Ремизовой-Довгелло, Ремизовым и Пришвиным в пору их юношеского увлечения марксизмом, что было характерно почти для всего поколения интеллигенции, к которому они принадлежали. Ремизов писал о юности С. П. Ремизовой-Довгелло: «И начинается самая счастливая ее жизнь: наука и „революция“. Конец — окончание Курсов, одиннадцать месяцев одиночной тюрьмы, и сылка — три года в Вологодской губернии: Усть-Сысольск, Сольвычегодск, Вологда. (...) Она прошла путь русской интеллигенции — явление единственное и едва ли понятное в Европе» (*Ремизов А. В розовом блеске. С. 724*). О революционном прошлом Ремизова см. в его книге «Иверень», а также: *Морозов В. На рассвете. Исторический очерк об образовании и деятельности первых социал-демократических кружков в Пензе в 1894—1897 гг. Пенза, 1963. С. 29—37; Грачева А. М. Революционер А. Ремизов: миф и реальность // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 419—447. Пришвин находился в одиночном заключении в Митавской тюрьме в 1897 году; этому предшествовала активная деятельность в рижском марксистском кружке (см.: *Пришвина В. Путь к слову. С. 53—72*).*

²⁰ Р. В. Иванов-Разумник.

²¹ В 1917—1918 годах Иванов-Разумник сблизился с левыми эсерами, хотя с марта по июль 1917 года возглавлял литературный отдел центрального органа партии эсеров «Дело народа»; после июльских событий стал редактором литературного отдела левозероверской газеты «Знамя труда» и журнала «Наш путь». В дни Октябрьской революции как журналист находился в Смольном. Пришвин, вероятно, несколько преувеличивал значение для Иванова-Разумника какого-либо политического статуса. Действительно, он идеалистически воспринял задачи и цели Октябрьской революции, поддерживал политические взгляды левых эсеров как наиболее отвечающие идеям «духовного максимализма», или «скифства». Сотрудничество с ними Иванов-Разумник объяснял следующим образом: «Наша „скифская“ группа соединилась не на политической платформе (...) Правда вот в чем: левые эсеры были тогда единственной политической партией, понявшей все глубокое значение культуры вне всякой политики, партией, предоставившей нам экстерриториальность в своих органах (весь «нижний этаж» газеты, весь литературный отдел журнала был в нашем распоряжении)» (Выступление на XXXIII открытом заседании Вольной философской ассоциации 28 августа 1921 г. // Памяти Александра Блока: Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922. С. 58—59). В революционные годы границы между литературой и политикой фактически не существовало. Заметим, что и Пришвин не оказался в стороне от политики. Его публикации в «Воле народа» вполне соответствовали платформе правых эсеров. Различная политическая ориентация привела к тому, что в конце 1917 года между Пришвиным и Ивановым-Разумником возникли трения, которые значительно усугубились после того, как в январе 1918 года в «Воле народа» была напечатана статья, подписанная псевдонимом Ип. Трилесов, резко осуждающая политическую позицию Иванова-Разумника. В этой статье он был назван «правительственным революционером» и обвинялся в тенденциозной (уже в то время не безопасной) интерпретации ремизовского «Слова о погибели русской земли», которое после первой публикации в «Воле народа» было перепечатано в альманахе «Скифы» (1918. № 2. С. 194—200) и сопровождалось статьей Иванова-Разумника «Две России» (Там же. С. 201—231) (см.: *Трилесов Ип. Подкальватель // Воля страны. 1918. 24 янв. № 8. С. 1—2*). Не вызывает сомнений, что статья «Подкальватель» появилась при содействии Пришвина. Тем не менее, политические разногласия не смогли разрушить того взаимного расположения, которое существовало между ними долгие годы. Об этом Иванов-Разумник писал Пришвину 19 сентября 1919 года: «Дорогой Михалмихалыч, поздней осенью 1917 года (два года назад!) мы разошлись с Вами в разные стороны. С год тому назад получил я от Вас несколько строк и ответил несколькими строками. Еще год прошел — теперь я пишу: думаю, что острота прошла, а осталось то, что крепче и глубже случайного и временного. В чем разошлись — в том и не сойдемся, а в том не расходились, что за пределами и „политического“ и „социального“. Песочки 1916-го года — крепко сидят во мне — не знаю как в Вас. И хотя два года назад Вы подняли на меня целые армии, но и тогда это меня не задевало и теперь тем паче вспоминаю без всякой неприятности. Одним словом — по-прежнему очень люблю Вас прежним Михалмихалычем и „сердечно желаю всего лучшего в жизни“, по старозаванному выражению», и далее о Ремизове: «(...) С ним (Ремизовым. — Е. О.) мы слились внешне — не внутренне; с Вами же я и внутренне не расклеивался, не знаю как Вы (...)» (РГАЛИ (Фонд М. М. Пришвина); сообщено Я. В. Леонтьевым). К тому же «пророчество» Пришвина не сбылось, так как в 1919 году большевики расправились и с левыми эсерами. По сфабрикованному делу о заговоре левых эсеров в феврале 1919 года Иванов-Разумник был арестован вместе с Ремизовым, Блоком, К. Петровым-Водкиным, А. З. Штейнбергом и др. (см.: *Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки («По тюрьмам на родине» / Публ. и комм. В. Г. Белоуса // Мѣра. 1994. № 1. С. 163, 191; Ремизов А. Взвихренная Русь. С. 274—292*).

26

Казачий плац
Константиноградская 6
Пересыльная тюрьма
9-го января (1918 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович,

(...) ² напишите! пришлите (...) ³ зубную щетку, гребешок, порошок в ванной.⁴

Положение неважное, каждый день ожидаем бунта уголовных, которые грозят нас перебить за то, что нам полит(ический) Красный Крест присылает обеды.

Нас просто забыли: ни допроса, ничего. Необходимо найти кого-нибудь, кто будет регулярно ходить на Гороховую 2 и требовать допроса. При настойчивости можно всего добиться. Так вчера добилась жена одного из наших (пришел в редак-

цию купить газету) свидания, а то просто напишут: «немедленно отпустить». Гороховая недалеко, поэтому попросите Марию Михайловну хоть раз сходить и узнать. Свидания добиваться не стоит: очень уж далеко и затруднительно путешествие.

Сидеть в одной комнате в обществе из 25 человек — можете себе представить, как это убийственно — за что? уж не спрашиваем: за что сидит адвокат Селюк, который зашел в редакцию купить Волю народа?

Какую-нибудь хорошую книжку нужно прислать, а то читать нечего. Еще пришлите мне три хорошо сделанных обезьяньих знака⁵ 1) Михаилу Ивановичу Успенскому,⁶ иконографу, хорошему русскому человеку знак 1й степени с палицей или епанчой (боевой).

(2)) Сергею Георгиевичу Ручу,⁷ который начал у нас декаден(т)ство и специально изучает Вас — знак 1й степ(ени) с золотым пером.

(3)) Владимиру Михайловичу Чернову — зн(ак) 1й ст(епени) с хоботком.

В двух камерах сидит нас интеллиг(ентных) людей 50 человек, которых я развлекаю рассказами из Обезьяньей Палаты.⁸ Больше делать ничего нельзя, потому что хроникеры двух газет (Воля Нар(ода) и Дня⁹), корректоры, экспедиторы и прочие то поют, то всвистят, то мычат и теснота такая, что не скоро и к свече протолкаешься.

Жаль, что рассказ мой Голубое Знамя¹⁰ пропал: рукопись отобрали с портфелем на Гороховой, а корректуры в типографии (Невский 106) — конечно, пропадут.

Принесли Вечерний Час с моей статьей, а Вашей нет — почему?¹¹

Жду от Вас в пятницу известий, глубоко кланяюсь Сераф(име) Павловне, как-то Вам живется, слухи вообще доходят нехорошие.

Кн(язь) обез(ьяний) М. Пришвин.

¹ Сверху синим карандашом рукой Ремизова помета: «1/2 2 д(ня—?) 10 I».

² Пять слов стерто.

³ Одно слово стерто.

⁴ Слова, выделенные нами курсивом, подчеркнуты Ремизовым синим карандашом.

⁵ Обезьяньи знаки, в сущности, знаки «отличия», как и обезьяньи грамоты, являлись важными элементами символики и эстетики созданного Ремизовым тайного общества Обезвелволпал (см. прим. 1 к п. 15). В соответствии с принятой в обществе номенклатурой (князя, кавалеры и другие звания) Ремизов награждал ими членов Обезвелволпала, отмечая тем самым индивидуальность каждого участника этой жизнетворческой игры. Кроме того, обезьяньи знак, по-видимому, выполнял функцию амулета либо талисмана, поскольку был выдержан в единой системе символов и обычно представлял собой небольшой рисунок с изображением мифологического существа. Необходимой деталью знака была обрамляющая рисунок надпись с определением «достоинства» награды, нередко глаголическая, что подчеркивало сакральность этого документа. Под рисунком всегда ставились подписи Ремизова — глаголическая литера. О природе обезьяньих наград Ремизов писал: «Именины, рождение, Пасха, Рождество или юбилей, или свадьба, или кто мне добро сделал, и хочется как выразить человеку — со всякими завитками я писал „обезьяньи грамоты“: жалованье обезьяньего царя о возведении в кавалеры обезьяньего знака, украшенного виноградом, турецкими бобами, лисьим хвостом, египетской пирамидой, все по человеку, и разрисовывал обезьянью печать, и каждый раз по-другому» (Ремизов А. Пляшущий демон. Париж, 1949. С. 57—58). Например, Блок был обладателем обезьяньего знака «1 степени с защитным глазом» (опубл.: Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 115). Как князь и кавалер Обезьяньей Великой и Вольной палаты, Пришвин, вероятно, также имел свой знак; однако его местонахождение нам неизвестно.

⁶ Успенский Михаил Иванович (1866 — ?) — ученый-археолог.

⁷ Руч Сергей Георгиевич — лексикограф, автор-составитель «Орфографического словаря с обозначением ударений и указанием корней слов русского происхождения» (СПб., 1900), а также учебников русского языка. В дневнике Пришвина назван «музыкантом» (см.: Дневник. 1994. С. 13, 53—54). В статье, напечатанной в «Воле народа», в списке арестованных 2 января названа должность Руча на тот момент — начальник управления сберегательных касс (см.: В пересыльной тюрьме // Воля народа. 1918. 17 янв. № 12. С. 1). Судя по воспоминаниям его «сокамерника» С. Б. Фрида, Руч обладал живым, общительным характером и нередко скрашивал своими увлекательными рассказами томительные дни заключения: «Понемногу становится оживленнее, и наш литературный митинг уже похож на флорентийский вечерок, на пир во время чумы. Руч вливает в обмен мнений немного мистики, он вспоминает о вечерах, проведенных им в обществе Александра Михайловича Добролюбова, не критика До-

бродяжничества, а — известного декадента, впоследствии сектанта. Добролюбов в характеристике Руча рисует нам человеком толка Достоевского, в действиях Добролюбова много от Николая Ставрогина. Добролюбов жил в комнате, задрапированной черным, причем формой своей комната напоминала гроб. У одной из стен помещался иконостас. Руч долго беседовал с Добролюбовым о мистике, о Боге, о тайнах неба (...) и т. д.» (Фрида С. Записки «рецидивиста» (Из Пересыльной тюрьмы). С. 2).

⁸ См. прим. 1 к п. 15. Ср. также в «Записках „рецидивиста“» С. Фрида: «(...) кучка невольников, сгрудившись за столом, начинает понемногу освобождаться от кошмара событий дня и беседует уже на отвлеченные темы. Говорят о Станиславском, о „Моцарте и Сальери“, об искусстве вообще, М. Пришвин передает личные впечатления от встреч с Мережковским, Гиппиус» (Там же).

⁹ Редакция меньшевистской газеты «День» была арестована большевиками 2 января, как и редакция «Воли народа».

¹⁰ См. прим. 18 к п. 25; прим. 4 к п. 27.

¹¹ В связи с выходом в самом конце 1917 года «Декрета о государственной монополии на издания всех русских классиков», ущемлявшего авторские права писателей, в газете «Новый вечерний час» начала публиковаться специальная рубрика «Опрос писателей», в которой ведущим литераторам была предоставлена возможность высказаться на эту тему. На предложение газеты отозвались В. Немирович-Данченко, Тэффи, Ан. Чеботаревская, А. Куприн, А. Амфитеатров (см.: Новый вечерний час. 1918. 2 янв. № 1. С. 4; 4 янв. № 3. С. 3; 5 янв. № 4. С. 4). Свои статьи приготовили Ремизов и Пришвин. Об этом Ремизов сообщил 1 января 1918 года Ф. Сологубу: «Звонил Пильский написать ему для В(ечернего) Ч(аса) о декрете, уничтож(ающем) авторс(кое) право (Пильский сказал мне, что с Вами разговаривал о этой анкете. Я написал, написал и сосед наш Пришвин. Завтра 1/2 9го утра придет Пильский ко Пришвину за рукописями (...))» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 580. Л. 24). В своем дневнике Ремизов в тот же день записал: «Русская литература всегда стояла на стороне угнетенных и по заветам ее никогда не может стать в ряды торжествующей обезьяны» (Ремизов А. Дневник 1917—1921. С. 472). Статья Пришвина была напечатана в «Новом вечернем часе» 5 января (1918. № 4. С. 4), а ремизовский ответ на анкету так и не увидел свет. Его наборная рукопись хранится в архиве писателя (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 40). Причины, по которым ответ Ремизова так и остался неопубликованным, кроются, возможно, в самом тексте. Начинающийся словами «Вонючая торжествующая обезьяна...», ремизовский ответ по своему характеру был приближен к обличительной речи, а по политической ориентации — сугубо антибольшевистским, что, в принципе, не противоречило взглядам редакции «Нового вечернего часа». Но содержание этого текста было гораздо шире задуманной темы и разрасталось до панорамного изображения событий и явлений жизни революционных лет (см. подробнее: *Обатнина Е.* «Вонючая торжествующая обезьяна» А. Ремизова // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 142—153). Добавим, что сама тема этого ремизовского выступления и интерпретация образа обезьяны, несомненно, возникли в духовной атмосфере газеты «Воля народа» и ее литературного приложения «Россия в слове», что подтверждается сопоставительным анализом рукописи Ремизова и публикаций Пришвина, В. Пяста, И. Соколова-Микитова и Вяч. Шишкова.

27

(1918)¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Досылаю вам до 250 — деньги: пятьдесят рублей. Номер «Воля Народа» выйдет самое позднее во вторник,² самое позднее нужно сдать в субботу рукопись.³ Если желаете мою прочесть⁴ — известите посредством Ивана Сергеевича,⁵ если не действует телефон.

Подумайте о том, чтобы после моего отъезда взять на себя редакторство России в слове.⁶

М. Пришвин

¹ Под текстом письма имеется дата, проставленная карандашом, возможно, рукой Ремизова: «26 / 13 III». Судя по содержанию, письмо было написано во второй половине февраля (по ст. ст.) — в самом начале марта (по н. ст.) 1918 года, т. е., по крайней мере, на неделю раньше обозначенной даты.

² «Воля народа», переименованная с января 1918 года в «Волю страны», уже в феврале выходила крайне нерегулярно в связи с политическими и экономическими трудностями. Так,

№ 16 датирован 3(16) февраля (суббота), а следующий за ним (в подшивке из собрания газет РНБ) № 17 вышел только 19(6) февраля (марта), во вторник. Вероятно, именно о нем (№ 17) и идет речь в данном письме.

³ Атрибутировать эту рукопись не представляется возможным, так как в предполагаемый нами временной отрезок (февраль — начало марта 1918 года), к которому относится это письмо, произведения Ремизова в газете «Воля народа» не публиковались. Но обращает на себя внимание объявление, напечатанное 30 января 1918 года в «Воле страны»: «В ближайшее время будут помещены рассказы М. М. Исаева „Курд Ибрагим“, М. М. Пришвина „Голубое знамя“, А. М. Ремизова „Кому нести наказание“ (Курсив мой. — Е. О.). Вследствие технических затруднений в ближайшее время литературное приложение „Россия в Слове“ выходить не может. Соответствующий литературный материал под редакцией М. М. Пришвина будет распределен в текущих номерах» (№ 13. С. 1). Произведение Ремизова под таким названием не появилось ни в «Воле народа», ни в других известных нам периодических изданиях. Впрочем, не исключено, что в анонсе приведено первоначальное название вскоре опубликованного «Слова к матери-земли» (Воля страны. 1918. 3(16) февр. № 16. С. 2). В газете «Воля народа» («Воля страны») Ремизов печатался всего четыре раза. В воскресном номере от 28 января 1918 года была опубликована сказка «Заяц благодетель» (№ 12. С. 2), которая впоследствии вошла в книгу сказок «Е. Тибетский сказ» (Берлин, 1922). Затем, в предпоследнем номере «Воли страны» появилось «Слово к матери-земли» (1918. 3(16) февр. С. 2). Весной того же года в литературном отделе (который назывался «Россия в слове») возобновленной в виде еженедельника «Воли народа» были напечатаны «Заповедное слово русскому народу» (1918. 12 апр. № 1. С. 17—19) и «Письмо запечатленное. Судьба Петрова» (1918. 28 апр. № 3. С. 13—14). Последнее произведение, возможно, было анонсировано еще 30 декабря 1917 года в «Воле народа» и предназначалось для новогоднего выпуска литературного приложения «Россия в слове» (см. прим. 6 к наст. п.). Другие четыре публикации были осуществлены в литературном приложении «Россия в слове». Ввиду отсутствия указаний на день выхода в заголовках номеров приложения, их датировка весьма затруднительна и выясняется только путем сопоставления содержания «России в слове» с теми анонсами, которые помещались на страницах «Воли народа». В первом выпуске «России в слове» было напечатано знаменитое «Слово о погибели земли русской» Ремизова; фактический выход этого номера исследователи по одной версии относят к 29 октября 1917 года (см.: *Иезуитова Л. А.* Указ. соч. С. 79), по другой — к 28 ноября 1917 года (см.: *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // *Русская литература.* 1992. № 1. С. 211). Подробно изучив подборку «Воли народа» в газетном фонде РНБ, где все три выпуска «России в слове» расположены в конце подшивки за 1917 год, мы считаем, что, с меньшей вероятностью, первый выпуск приложения действительно вышел 28 ноября, если опираться на анонс в «Воле народа», на тот момент переименованной в «Волю вольную» (Воля вольная. 1917. 26 нояб. № 1. С. 1), а также на статью Пришвина «В защиту слова» (Там же. С. 1). При этом нужно учесть, что положение газеты с 26-го по 30 ноября было чрезвычайно шатким из-за преследований большевиков. Но с большей вероятностью можно сказать, что первый выпуск «России в слове» увидел свет 1 декабря, так как 12 декабря в «Воле народа» было дано объявление о подписке на газету, в котором сообщалось, что литературное приложение «Россия в слове» выходит с 1 декабря 1917 года (№ 191. С. 1). Во втором выпуске «России в слове» была опубликована еще одна сказка Ремизова под названием «Что нам за наш грех выйдет? Николина притча», впоследствии включенная в книгу «Николины притчи» (Пг., 1917) под названием «Никола — Судия» (С. 69—73). Дату выхода в свет этого выпуска проясняет объявление, уведомляющее читателей «Воли народа» о том, что № 196 от 17 декабря сопровождается литературным приложением (см.: Воля народа. 1917. 17 дек. № 196. С. 1). В третьем и последнем выпуске «России в слове» напечатаны сразу две вещи Ремизова: «Из зашпной книжки о разных зайцах ребятишкам на елку. Сказка тибетская» (см. также: Ремизов А. Е. Тибетский сказ) и рассказ «Ошибки», подписанный псевдонимом Ольга Ильменева (см.: Ремизов А. В поле блажитном. Берлин, 1922; Ремизов А. Оля. Париж, 1927). На единственный случай употребления псевдонима Ольга Ильменева, восходящего к имени героини указанных книг Ремизова, прототипом которой была С. П. Ремизова-Довгелло, — обратил внимание в своей статье С. И. Субботин (см.: *Субботин С. И.* Указ. соч. С. 211). Третий выпуск «России в слове», по-видимому, вышел в свет 24 декабря 1917 года (см. уведомление о приложении: Воля народа. 1917. 24 дек. № 202. С. 1).

⁴ Возможно, рассказ Пришвина «Голубое знамя», который первоначально предполагалось поместить в новогоднем выпуске «России в слове» (см. прим. 6 к наст. п., а также прим. 18 к п. 25). Наборная рукопись «Голубого знамени»; хранящаяся в ИРЛИ (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 346), несомненно, была просмотрена Ремизовым, так как на первом и последнем листах имеется его правка красными чернилами, в частности, зачеркнута фраза Пришвина: «Рассказ Михаила Пришвина»; сверху, над текстом, обозначено: «Михаил Пришвин»; поставлена цифра первой части: «I»; в конце, под текстом, написано: «Михаил Пришвин».

⁵ Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892—1975) — писатель, печатался в «Воле народа» и приложении «Россия в слове» (см. прим. 6 к наст. п.); в конце 1917 — начале 1918 года вместе с Ремизовым публиковал под псевдонимами политические сказки в эсеровской «Простой га-

зете» (см.: *Субботин С. И.* Указ. соч. С. 205 — 215). В 1917 году вошел в ближайшее окружение Ремизова (см. упоминание о нем в книге Ремизова «Взвихренная Русь», а также письма Соколова-Микитова к Ремизову (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 195)).

⁶ «Россия в слове» — литературное приложение к газете «Воля народа», редактором которого был Пришвин. Это издание существовало недолго: в течение декабря 1917 года вышло лишь три выпуска (о датах выхода в свет см. прим. 3 к наст. п.). Замысел «России в слове» возник в октябре, тогда же в «Воле народа» было опубликовано объявление: «С воскресенья, 29-го октября, при нашей газете будет выходить литературное приложение РОССИЯ В СЛОВЕ под редакцией М. М. Пришвина, с участием Е. В. Аничкова, Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Ю. Н. Верховского, Вяч. Иванова, М. М. Исаева, А. М. Ремизова, Ивана Соколова-Микитова, В. Я. Шишкова, гр. А. Н. Толстого и др.» (Воля народа. 1917. 26 окт. № 154. С. 1). Тем не менее, издание приложения было сопряжено с большими трудностями, о которых Пришвин писал месяц спустя в статье «В защиту слова»: «(...) вот уже месяц я хожу ежедневно в редакцию „Воля Народа“ с целью выпустить в свет редактируемое мной литературное приложение „Россия в Слове“ — давно собран превосходный материал, набрано, сверстано, исправлено все, а пустить в печать не могу: то сумятица в редакции по случаю ареста редактора, и мне говорят, что „не до литературы теперь“, то явились ночью в типографию красновардейцы, расплавили стереотипы и газета вовсе не вышла, то не выпускают потому, что вперед надо объявить, но как можно теперь что-нибудь объявить?» (Пришвин М. В защиту слова. С. 1). Эта статья была напечатана на одной странице с новым анонсом литературного приложения: «Во вторник, 28 ноября, при нашей газете будет дано литературное приложение „Россия в слове“, под редакцией М. Пришвина. Содержание: Стихотворения — Соловьиный сад А. Блока, *.* Ю. Верховского, В казарме В. Пяста, К морю (из Верхарна) Вл. Чернова; рассказы: Крест белый, из тополя срубленный М. Исаева, Слово о погибели русской земли Алексея Ремизова; статьи: Искусство в армии П. П. Гайдебурова, Руки (О Родне) А. К.» (Воля вольная. 1917. 26 нояб. № 1. С. 1). О содержании второго выпуска «России в слове» было объявлено в «Воле народа» 12 декабря 1917 года, хотя вышел он, вероятно, только 17 декабря (см. прим. 3 к наст. п.): «В четверг, 14 Декабря, при газете „Воля Народа“ будет дано литературное приложение „Россия в Слове“ под редакцией М. М. Пришвина. Содержание: Стихотворения: Георгия Маслова, В. Пяста. Рассказы: „Медведь“ В. Шишкова, „Что нам за наш грех будет“ (Так. — Е. О.) Алексея Ремизова, „Мать-Земля“ Михаила Пришвина, „Степка“ Соколова-Микитова. Статьи: „Записки врача“ Петра Венда, „Искусство в армии“ П. Гайдебурова. Библиография: (Воля народа. 12 дек. № 191. С. 1). Содержание третьего выпуска было сообщено 23 декабря: «О детях и детям. От редакции. Стихотворения Александра Блока (I. Тишина в лесу после ночной метели; II. Сочельник в лесу. — Е. О.), „Ребятишкам на елку“ Алексея Ремизова (см. прим. 3 к наст. п.), „Жукушкины дети“ Шишкова, „Про зверя ужасного вида“ Михаила Пришвина, „Ошибки“ Ольги Ильменской (Так. — Е. О.; см. прим. 3 к наст. п.), „Прощай, родина“ Петра Венда, „Легенда“ Михаила Исаева» (Воля народа. 1917. 23 дек. № 201. С. 1). В редакционном портфеле Пришвина имелся и подготовленный к печати новогодний выпуск «России в слове», которому так и не суждено было увидеть свет; его содержание было опубликовано накануне: «В новогоднем литературном приложении „Россия в Слове“ будет напечатано: „О критике“, *.* „Голубое знамя“ рассказ Михаила Пришвина, „Россия в письмах“ (Так. — Е. О.) Алексея Ремизова (см. прим. 3 к наст. п.), „Курд Ибрагим“ рассказ Михаила Исаева, стихи Юрия Верховского (см. прим. 9 к п. 25), „О Леониде Семенове“ (см. прим. 9 к п. 25), стихи М. Пришвина и В. Пяста» (Воля народа. 1917. 30 дек. № 205. С. 1). Еще в первых числах января 1918 года Пришвин надеялся наладить издание «России в слове», об этом он писал в дневнике: «2-го числа Нового Года трамваи не ходили, я колебался, идти мне в редакцию хлопотать о выпуске Литературного приложения к „Воле Народа“ или махнуть рукой: кому теперь нужно литературное приложение!» (Дневник. 1994. С. 7). Даже последовавший в тот же день арест в составе редакции «Воли народа» не смог окончательно разрушить планы Пришвина. Не случайно, в конце января «Воля народа», переименованная в «Волю страны», все еще помещала объявления о литературном приложении, состав участников которого несколько отличался от первоначального: «С 1 декабря 1917 г. при газете выходит еженедельное приложение „Россия в Слове“, под редакцией М. М. Пришвина, с участием А. Блока, А. М. Ремизова, В. Я. Шишкова, И. С. Соколова-Микитова, В. Пяста, М. М. Исаева, Георгия Маслова, А. А. Ахматовой, Ю. Н. Верховского, Д. А. Крючкова, Е. Г. Лундберга, М. М. Пришвина, Е. В. Аничкова и др.» (Воля страны. 1918. 20 янв. № 5. С. 1). Наконец, 30 января 1918 года редакция «Воли страны» напечатала объявление, в котором официально оповещала о прекращении «России в слове» «вследствие технических затруднений» (Воля страны. 1918. 30 янв. № 13. С. 1; см. также прим. 3 к наст. п.). В апреле «Россия в слове» возобновилась на страницах еженедельника «Воля народа» как литературный отдел и просуществовала до 19 мая, т. е. до закрытия и этого издания. Естественно, что Ремизов, единомышленник Пришвина и постоянный автор «России в слове», был тем, кому бы тот мог доверить редактирование своего «детства» на время весеннего отъезда к родным в Хрущево. Из дневника Пришвина следу-

ет, что 13 апреля он выехал из Петрограда (см.: Дневник. 1994. С. 62), однако сведениями о передаче полномочий редактора «России в слове» Ремизову мы не располагаем.

28

(конец июня 1918 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович, жить (...) ² стало совершенно в моем родном углу, а потому я перебрался в Москву.

Думаю, что наступает время и Вам сюда перебраться — здесь все-таки жить еще можно. На эту тему разговариваем с Гершензоном,³ и он то же думает: пора перебираться, вернее, подготавливаться к этому.

В Раннем Утре⁴ случайно слышал какой-то разговор о Вас: там очень обиделись, что Вы им в денежных делах не доверяете.⁵ Я вмешался в разговор и просил их послать к Вам Кугеля⁶ для мирных переговоров — в чем дело, не могу ли я чем Вам помочь?

Мне бы хотелось завязать отношения с газетой Утро России,⁷ нет ли у Вас там связей?

Еще вот что прошу: наведайтесь в мою квартиру, цело ли там все мое добро и существует ли племянница моя София Васильевна.⁸ Она писала мне, что хочет покончить с собой из-за голода, я ей послал уже месяц тому назад записку к Кугелю на получение 200 р(ублей), но с тех пор писем от нее не имею. Не думаю, чтобы из-за голода она могла что проделать: с ней мать и брат, и не такого склада девица. Но все-таки надо же знать, в чем тут дело — узнайте и напишите.

Шестов⁹ неделю тому назад уехал в Киев, Бунин — в Одессу¹⁰ — многие уезжают на Украину. Сераф(има) Павл(овна) — тоже украинка,¹¹ Вы как? Но по-моему в Москве жить можно хорошо и печататься тут есть где, множество мест. Кроме того, Ал. Толстой, говорят, тут всем кинематографом заведует,¹² всех заставляет писать сценарии и платит деньги — тоже хлеб.

На первых порах можно поселиться в комнате где-нибудь, или в временно покинутой квартире. Если решите — я начну подыскивать.¹³

Кланяюсь низко Серафиме Павловне.

Ваш М. Пришвин.

Москва. Пречистенка. Нащокинский пер. д. 6, кв. 16 Левину¹⁴ для меня.

¹ Датируется по содержанию.

² Зачеркнуто одно слово.

³ М. О. Гершензон.

⁴ «Раннее утро» — московская политическая, общественная и литературная газета. Возникла в 1907 году. Редакторы: Н. П. Прединский, Н. Л. Козецкий. Издатель: И. Д. Сытин. Закрыта 26 октября 1918 года Московским военно-революционным комитетом. В мае—июне 1918 года Пришвин напечатал в этой газете цикл очерков под общим названием «От земли и городов».

⁵ Весной 1918 года Ремизов опубликовал в московской газете «Раннее утро» «Заповедное слово русскому народу», несколькими днями раньше напечатанное в петроградской «Воле страны», (Раннее утро. 1918. 16 апр. № 65. С. 1; см. также прим. 3 к п. 27) и произведение под названием «Россия в письмах. Откуда и как пошло. Письмо начальное» (1918. 26 мая. № 95. С. 1). См.: *Lamp H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs* (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov, Établie par Hélène Sinany. Paris, 1978) // *Wiener Slavistischer Almanach*. 1978. Bd. 2. S. 316.

⁶ Кугель Александр Рафаилович (1864—1928) — публицист, драматург, театральный критик, сотрудник журнала «Театр и искусство», печатался под псевдонимами Н. Негорев, Номо повус. Руководитель театра «Кривое зеркало» (1908—1928). В январе—мае 1918 года редактировал газету «Новый вечерний час».

⁷ «Утро России» — московская общественная, политическая и литературная газета; выходила в 1907 году, а затем с 1909-го по 1918 год. Редакторы: И. Ф. Родионов, В. К. Садков. Издатель (в 1917—1918 годах): П. П. Рябушинский. Закрыта 26 октября 1918 года Московским военно-революционным комитетом. В 1907—1910 годах Ремизов опубликовал в этой газете

шесть произведений: (см.: *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Ét. par Hélène Sinany. Paris, 1978. P. 120—121*).

⁸ Ефимова Софья Васильевна — сестра И. В. Ефимова, соседа Пришвина по петроградской квартире. Пришвин с заботой относился к этой девушке, называл ее ласковым прозвищем Козочка. На реальном разговоре с ней построен очерк «Подзаборная молитва» (Воля народа. 1917. 12 нояб. № 170. С. 2; ср. также: *Дневники. 1991. С. 387*).

⁹ Л. И. Шестов покинул Москву и переехал в Киев 5 июля 1918 года (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. I. С. 159*).

¹⁰ И. А. Бунин с семьей уехал из Москвы в двадцатых числах мая 1918 года.

¹¹ С. П. Ремизова-Довгелло происходила из старинного литовского рода, родилась в Чернигове, детство провела в Берестовце. Ремизовы часто посещали Берестовец, где в семье родственников Серафимы Павловны воспитывалась их дочь Наташа. О родословной С. П. Ремизовой-Довгелло см.: *Ремизов А. В розовом блеске. С. 713—724*.

¹² В неопубликованной хронике жизни и творчества А. Н. Толстого, составленной Ю. А. Крестинским (ИМЛИ. Ф. 43), имеются сведения о письме В. Брюсова к Толстому от 22 июля 1918 года с приглашением принять участие в Кинематографическом комитете Наркомпроса (см. об этом: *Хайлов А. И. А. Н. Толстой и В. Я. Брюсов. К истории литературных отношений // А. Н. Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С. 209*).

¹³ Насколько нам известно, переезд в Москву Ремизовы не планировали.

¹⁴ Левин Исаак Ильич — экономист, сотрудник «Русской мысли» и «Русских ведомостей».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПЛАГИАТОР ЛИ А. РЕМИЗОВ?

(Письмо в редакцию)

М. Г., г. Редактор!

В интересах литературной этики не откажите напечатать это письмо. В № 11160 «Бирж. Вед.» помещена статья «Писатель или списыватель?», называющая писателя А. Ремизова вором, экспроприатором и др. именами.¹ Для доказательства приводятся тексты сказок «Мышонок» и «Небо пало» в рассказе народном и г. Ремизова.²

Эти сказки взяты из записок Импер. русск. геогр. общества в собирании которых принимал участие и я,³ почему и позволяю себе сказать несколько слов, насколько основательны утверждения, что сказки, написанные г. Ремизовым, представляют из себя копию с собранных нами сказок.

Иллюзия тождества достигается автором заметки просто: он выпускает то, что добавлено г. Ремизовым. От этого не только рядовой читатель обманывается, но и крупные газеты («Голос Москвы»,⁴ «Русское Слово»⁵) перепечатывают заметку.

Можно двумя способами сделать худож. пересказ произведений народной поэзии: 1) развитием подробностей (амплификация), 2) прибавлением к тексту. Работа художника может состоять в прибавлении только одной мастерской черты, в развитии одной подробности. Вот эти-то мастерские штрихи умышленно и опускаются в названной заметке.

Для примера я приведу то, что пропустил, напр., автор заметки в «Мышонке»: «Жил-был старик со старухой, и такие богомольные, что не только ни одной службы не пропускали, а другой раз и нет ничего, а пойдут, хоть так потолкаться около церкви. И все старики и старухи почитали и всякому в пример их ставили. Вышли они раз от обедни — дело было в престольный праздник — и идут себе домой к пирогу посидеть, старуха-то эта, старикова жена, такие пироги пекла — оближешься...»⁶

Вот это-то указание на то, что старик и старуха были богомольные, и превращает сказку из этнографического материала в художественно-законченное произведение, восстанавливает ее подлинный смысл.

Критиковать г. Ремизова очень трудно. Работая над воссозданием народных

мифов и легенд, он оперирует с большим научным багажом. По литературной традиции, начиная от Пушкина, народная поэзия используется у нас без ссылок на источники. А. Ремизов первый ввел у нас примечания.⁷ Мы все, следящие за его деятельностью, знаем, что примечания он пишет чуть не под каждым словом, и не только в таких журналах, как «Русск. Мысль»,⁸ а даже в маленьких: «Журнал для Всех»⁹ и «Всемир. Панорама».¹⁰

Пишет он эти ссылки, пользуясь заветом средневековых художников: не таить в себе мастерства, облегчать другим трудный путь. Кого же «экспроприировал» А. Ремизов, кто «пал его жертвой»?

«Мышонок», напр., записан мной, пишушим это письмо, «Небо пало» — Н. Е. Ончуковым.¹¹ Пользуясь указаниями акад. Шахматова беречь при записях народные слова, я часто упускал целое сказок за частностями. Своей обработкой А. Ремизов часто воссоздавал мне не только смысл сказки, но и образы, и быт рассказчиков.

Таким образом, я, как собиратель, не могу считать себя «экспроприированным», и читатели, если слышат подлинные тексты народных сказок и сказок г. Ремизова, не найдут тождества.

Автор «Лимонаря»¹² и «Посолони»¹³ не нуждается в моей защите. Если я позволяю себе выступить с настоящим письмом, то делаю это для того, чтобы восстановить истину перед широкой публикой, для которой, как я знаю, наш специальный сборник неизвестен.

Примите и проч.

Член Импер. геогр. общ. М. Пришвин.

(Слово. 1909. 21 июня (4 июля). № 833. С. 5)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г. г. редактор. Покорно прошу, не откажите напечатать следующее мое разъяснение в ответ на обвинение меня в плагиате, появившееся в вечернем выпуске *Биржевых Ведомостей* от 16 июня 1909, № 11160 и затем частью перепечатанное, частью стилизованное, частью на все лады пересказанное другими газетами: *Новым Временем*,¹⁴ *Петербургской Газетой*,¹⁵ *Русским Словом*,¹⁶ *Голосом Москвы*,¹⁷ *Ранним Утром*¹⁸ и многими провинциальными.¹⁹ До сего времени я не имел возможности сделать этого разъяснения отчасти по причине чисто личного характера, отчасти потому, что, летние месяцы проводя далеко от центров, в деревне, я волей-неволей очутился в стороне от всяких интересов и жизни литературно-газетного круга.²⁰

В целях разъяснения вынужден коснуться некоторых задач и приемов моего творчества. Работая над материалом, я ставил себе задачей воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах и апокрифах. Так вышли две мои книги: «Посолонь» (изд. *Золотое Руно* (М. 1907)) и «Лимонарь» (изд. «Оры». СПб. 1907), так выходит собирающаяся книга «К Морю-Океану»,²¹ отдельные главы которой появлялись в периодических изданиях («Верба»²² и «Ночь у Вия»²³ в *Русской Мысли*, «Каменная баба» — в *Северном Сиянии*,²⁴ «Ховала» и «Белун» — в *Золотом Руно*²⁵ и т. д.). Кроме воссоздания народного мифа, — этой первой и главной задачи моего творчества — мне представлялась и другая, когда материал приобретал для меня значение самого по себе: я пытался дать художественный пересказ, укажу на появившиеся в печати сказки: «Ослиные уши»,²⁶ «Мышонок»,²⁷ «Мужик-медведь»,²⁸ «Чудесные башмачки»,²⁹ «Собачий хвост»,³⁰ «Лев-зверь»,³¹ «Небо пало».³²

Различные задачи при обработке материала само собой вызвали различные приемы. В первом случае, — при воссоздании народного мифа, когда материалом может стать потерявший всякий смысл, но все еще обращающееся в народе, просто-напросто, какое-нибудь одно имя — «Кострома», «Калечина-Малечина», «Спорыш», «Мара-Марена», «Летавица» или какой-нибудь обычай вроде «Девятой пятницы», «Троецыпленицы»,³³ — все сводится к разнообразному сопоставлению известных, связанных с данным именем или обычаем фактов и к сравнительному изучению сходных у других народов, чтобы в конце-концов проникнуть от бесмысленного и загадочного в имени или обычае к его душе и жизни, которую и требуется изобразить. Во втором случае, — при художественном пересказе, когда по сличению всех имеющихся налицо вариантов какой-нибудь народной сказки материалом является облюбованный, строгоограниченный текст, — все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту, чтобы в конце-концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, — в этом вся хитрость и мастерство художника. Насколько удалось мне выполнить поставленные мною задачи, предоставляю судить мастерам.

В целях же разъяснения вынужден сказать несколько слов и о том особенном значении, которое я придаю примечаниям, снабжая ими отдельные мои произведения и мои книги.³⁴ Надо заметить, что в русской изящной литературе, при допущении самого широкого пользования текстами народного творчества, существует традиция, не обязывающая делать ссылки на источники и указывать материалы, послужившие основанием для произведения. Для примера укажу, начав с верхов нашей литературы, хотя бы на Гоголя, у которого, как известно, наиболее яркие лирические места в «Тарасе Бульбе» состоят из переложения народной песни — малорусской думы — и однако без всяких ссылок на какую-нибудь песню (см. сочинения Н. С. Тихонравова, т. 3-й, ч. 2-я);³⁵ далее, замечательные легенды и сказания Лескова, как известно, основаны на прологах и однако без всякой ссылки на какой-нибудь пролог; наконец, совсем уже на скромном конце литературы популярны сказки Авенариуса³⁶ суть бесхитростные переложения народных сказок и однако без всякого указания, что сказки — народные. Такова традиция. И лишь историки литературы показывают нам, как и над чем работал тот или иной писатель, произведения которого стали классическими, а имя — именем России.

Ставя своей задачей воссоздание нашего народного мифа, выполнить которую в состоянии лишь коллективное преемственное творчество не одного, а ряда поколений, я, кладя мой, может быть, один единственный камень для создания будущего большого произведения, которое даст целое царство народного мифа, считаю моим долгом, не держась традиции нашей литературы, вводить примечания и раскрывать в них ход моей работы. Может быть, равный или те, кто сильнее и одареннее меня, пытая и пользуясь моими указаниями, уже с меньшей тратой сил принесут и не один, а десять камней и положат их выше моего и ближе к венцу. Только так, коллективным преемственным творчеством создастся произведение, как создавались мировые великие храмы, мировые великие картины, как написались бессмертная «Божественная комедия» и «Фауст».

Указанием на прием и материал работы, — что достижимо до некоторой степени примечаниями в изящной литературе, а среди художников — раскрытием дверей в мастерские и посвящением, — может открыться выход к плодотворной значительной работе из одичалого и мучительно-одинокого творчества, пробавляющегося без истории, как попало, своими средствами из себя, а попросту из ничего, и в результате — впустую.

Как сказано, из моего опыта применения описанного выше приема художественного пересказа я отдал в печать несколько сказок и, следуя своему правилу, приложил к сказкам примечания: или в виде ссылок на материал, — такое приме-

чание имеется к «Ослиным ушам» (*Нов(ый) Журн(ал) для Всех*, № 3, январь 1909),³⁷ — или, ставя подзаголовок «Народная сказка», такой подзаголовок имеется к «Чудесным башмачкам» (*Слово*, № 751, 29 марта 1909), к «Собачьему хвосту» (*Всемирная Панорама*, № 2, 1 мая 1909) и «Льву-зверю» (*Журнал Копейка*, Спб, май 1909). Две же сказки, — «Мышонок» (сборник «Италии», изд. «Шиповник», Спб. 1909) и «Небо пало» (*Всемирная Панорама*, № 5, 1909), — появились в печати по совершенно случайной причине без всяких примечаний.³⁸

Автор письма в редакцию *Биржевых Ведомостей*, добросовестно выписав текст из этих сказок, совпадающий с текстом народных сказок, из которых одна записана М. М. Пришвиным от старухи Марьи Петровны в деревне Корельские Острова Олонецкой губ., а другая — Н. Е. Ончуковым от неизвестной старухи в Шуньге Олонецкой губ. (сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» — Записки Имп. геогр. Общ. по отделу этнографии, т. XXXIII, Спб., 1908),³⁹ и опустив в «Мышонке» мне принадлежащую характеристику действующих в сказке старика и старухи,⁴⁰ а в «Небо пало» — мне принадлежащую сентенцию, — лисицину мудрость,⁴¹ — именно как раз то, что составляло цель моего пересказа, вывел против меня обвинение в плагиате.

Автор письма в редакцию *Биржевых Ведомостей*, величая меня русским писателем, «успевшим составить себе имя»,⁴² а стало быть, зная мои произведения, не мог не знать, какое важное место я отвожу в моих произведениях примечаниям, где наряду с объяснениями старо-русских, почерпнутых из памятников слов и коренных слов, употребляемых среди простого русского народа, и всяких неологизмов я ничуть не скрывал и тех источников и материалов, на которых основывался, а стало быть, не найдя к «Мышонку» и к «Небо пало» никаких примечаний и ссылок, он не имел никакого права заключать об умысле с моей стороны выдавать художественный пересказ очень известных народных сказок за мои собственные. Кроме того, автор письма в *Биржевые Ведомости*, взяв на себя право уличать в таком тяжком и позорном преступлении, каким является плагиат, уж, конечно, прежде всего должен быть осведомлен в истории русской изящной литературы, по традициям которой, повторяю, примечания при пользовании текстом народного творчества необязательны.

Что же касается намеков и утверждений, опорочивающих мое имя и позорящих мою честь, то я считаю невозможным для себя входить в какие-либо рассуждения и оставляю это на совести автора письма.

Примите уверения и проч.

Алексей Ремизов.

Москва, 29-го августа 1909 г.

(впервые: Русские ведомости. 1909. 6 сент. № 205. С. 5)

¹ Имеется в виду следующий пассаж из статьи Мих. Мирова «Писатель или списыватель?»: «Позвольте через посредство „Биржевых Ведомостей“ рассказать читающей публике, как г. Ремизов экспроприрует (другого выражения не подберешь!) свою славу. Из прилагаемых документов вы убедитесь, что г. Ремизов не писатель, а списыватель» (*Биржевые ведомости*. 1909. 16 июня. № 11160. С. 5).

² См.: Ремизов А. Мышонок. Сказка // Италия. Литературный сборник в пользу пострадавшим от землетрясения в Мессине. СПб.: Шиповник, 1909. С. 151—152; Ремизов А. Небо пало. Детская сказка // Всемирная панорама. 1909. 22 мая. № 5. С. 7. Обе сказки впоследствии вошли в сборник «Докука и балагурье» (СПб., 1914. С. 220, 257).

³ Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1908 (Записки Императорского Русского Географического общества по Отделению этнографии. Т. XXXIII). В этом сборнике помещено тридцать семь сказок в записи Пришвина (С. 412—469; № 166—203). Сказка «Мышонок» является литературной обработкой народной сказки под тем же названием в записи Пришвина (№ 190); текст-источник сказки «Небо пало» — народная сказка в записи Н. Е. Ончукова (№ 216).

⁴ В газете «Голос Москвы» была напечатана анонимная заметка «Вскрывшийся источник вдохновения Алексея Ремизова», в которой на основании статьи Мих. Мирова говорилось: «Для сборника „Италия“ Алексей Ремизов принес в редакцию „Шиповник“ „мышонка“, и

„Мышонок” этот, если называть вещи их настоящими именами, оказался краденым» (1909. 17 июня. № 137. С. 3).

⁵ Подразумевается перепечатка из «Биржевых ведомостей» под названием «Плагиат Алексея Ремизова» (Русское слово. 1909. 17 июня. № 137. С. 4).

⁶ Италии. С. 151.

⁷ Идея подключить к своим художественным текстам справочный аппарат возникла у Ремизова в период, когда он готовил к печати первую книгу сказок «Посолонь» (СПб., 1907; вышла в декабре 1906 года). На эту мысль его натолкнул стихотворный сборник В. Брюсова «Stephanos» (М., 1906), последний раздел которого завершался авторским комментарием к стихотворениям. О своем намерении Ремизов сообщил Брюсову 25 ноября 1906 года: «В конце книги помещу примечание. (Беру за образец издание «Венка»). Боюсь своих несуразностей. Насколько могу, напишу строго» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым (1902—1912). С. 203). Этот замысел реализовался только во второй редакции «Посолони», вошедшей в Собрание сочинений Ремизова (СПб., [1912]. Т. 6. «Сказки»). Один из первых авторских комментариев встречается в журнале «Золотое руно», где были напечатаны сказки «Белун», «Нежить» и «Ховала» (1907. № 7—9. С. 73—75). Но эти примечания ограничивались пояснением народных слов, использованных в тексте. В книге же литературных обработок апокрифов «Лимонарь» (СПб., 1907) Ремизов расширил свои сугубо художественные задачи, снабдив все тексты подробными авторскими примечаниями, которые раскрывали не только смысл народных выражений, но суть и календарную последовательность некоторых обрядов и поверий, а также подкрепив свои пояснения указанием на научные этнографические источники, используемые им в работе над книгой. В периодической печати Ремизов использовал жанр примечаний достаточно формально: он взял за правило после названия ставить подзаголовок — «народная сказка», или «сказка, сказанная Алексеем Ремизовым», что должно было указывать на вторичность ремизовской обработки по отношению к фольклорному тексту-источнику; в редких случаях писатель помещал под публикацией примечание, в котором ссылался на издание, где была напечатана запись народной сказки. Например, в журнальной публикации сказки «Ослиные уши», являющейся переработкой народной сказки под тем же названием, записанной Пришвиным в Олоонецкой губернии, Ремизов указал: «Материалом послужили народные сказки из сб. Н. Е. Ончукова „Северные сказки”, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ.» (Новый журнал для всех. 1909. № 3. С. 91).

⁸ См., например, рассказ «Верба», опубликованный в журнале «Русская мысль» (1908. № 6. С. 191—192) и авторское примечание к нему: «Сказание о вербе основано на литовском предании о женщине по имени Блинда. В древней Литве верба считалась богиней чадородия, ей приносили молитвы и жертвы» (С. 191). Имеется в виду подзаголовок «Детская сказка».

⁹ См. прим. 7.

¹⁰ См. прим. 2.

¹¹ См. прим. 3.

¹² См. прим. 7.

¹³ См. там же.

¹⁴ Имеется в виду заметка, помещенная в рубрике «Среди газет и журналов», которая начинается словами: «„Модернисты” сделали крупный шаг в литературной технике (...» (Новое время. 1909. 20 июня. № 11950. С. 3).

¹⁵ Заметка, написанная в форме диалога, была напечатана в рубрике «Злободневные разговоры» и начиналась репликой: «— Веселенький скандалчик вышел с „известным” писателем из молодых Ал. Ремизовым...» (Петербургская газета. 1909. 18 июня. № 164. С. 3).

¹⁶ См. прим. 5.

¹⁷ См. прим. 4.

¹⁸ Musca [Мускатблит Ф. Г.]. Две памяти // Раннее утро. 1909. 18 июня. № 138. С. 3.

¹⁹ См., например, рубрику «Заметки» (Южный край (Харьков). 1909. 21 июня); заметку в рубрике «О том, о сем и о прочем» (Жало (Харьков). 1909. 5—10 июля. № 27); «Плагиат Алексея Ремизова» (Киевская мысль. 1909. 19 июня. № 167).

²⁰ Летнее путешествие Ремизова началось во второй половине июня: с 16-го по 23 июня он провел в Куоккале, затем с 24-го июня по 7 июля — поездка по Волге; с 9-го по 16 августа находился в имении Гриневич в Полтавской губернии; навестил родственников жены в Берестовце, и 21 августа прибыл в Москву, откуда 12 сентября вернулся в Петербург (см.: Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок. Л. 14).

²¹ О замысле отдельной книги под названием «К Морю-Океану» узнаем из анонса, помещенного в газете «Свободная мысль» (1908. № 52): «А. Ремизов уезжает на лето в Соловки. Наряду с изучением Беломорской старины писатель займется подготовкой к печати новой книги „К Морю-Океану”, которая явится продолжением „Посолони”. Книга выйдет осенью и будет заключать в себе сказки и мифы, для взрослых и детей». Этот проект осуществился в рамках Собрания сочинений (Т. 6), где к первой части «Посолонь» был присоединен новый цикл «К Морю-Океану».

²² См. прим. 8.

²³ Русская мысль. 1909. № 4. С. 46—50.

24 Северное сияние. 1909. № 4. С. 44—45.

25 См. прим. 7.

26 См. там же.

27 См. прим. 2.

28 Тропинка. 1909. 1 апр. № 7. С. 282—283.

29 Слово. 1909. 29 марта. № 751. С. 3.

30 Всемирная панорама. 1909. № 2. С. 10—12.

31 Имеется в виду сказка «Хмель», опубликованная в иллюстрированном журнале «Копейка» (1909. 21 мая. № 20. С. 2), текстом-источником для которой послужила одноименная сказка № 161 из сборника Ончукова. Впоследствии Ремизов включил эту сказку в состав своей книги «Доюка и балагурье», дав ей название «Лев-зверь» (С. 222—224).

32 См. прим. 2.

33 Художественное раскрытие этих древних мифологических образов и обрядов, связанных с ними, см. в книге Ремизова «Посолонь».

34 См. прим. 7, а также гл. «Использование примечаний» в работе Х. Барана «К типологии русского модернизма: Иванов, Ремизов, Хлебников» (С. 194—198).

35 Тихонравов Н. С. Соч.: В 3 т. М., 1898.

36 Авенариус Василий Петрович (1839—1923) — автор многочисленных книг для детей и юношества, в которых фольклорные тексты были представлены в адаптированном виде. См., например: *Авенариус В. П.* Детские сказки. СПб., 1901. Изд. 4-е.

37 См. прим. 7.

38 В книге воспоминаний «Встречи» Ремизов, восстанавливая ситуацию, в которой возникли основания для обвинения его в плагиате, писал, ошибочно называя вместо журнала «Всемирная панорама», где была напечатана сказка «Небо пало», журнал «Скейтинг-ринг»: «Для меня загадка: третий год печатает Котылев мои сказки, почему же только теперь Измайлов обратил внимание на мою воровскую природу, обличает публично и требует по справедливости возмездия? Я пересмотрел все колтылевские листки, программы, приложения, до последнего номера „Скейтинг-ринга“ с моими сказками, и вдруг понял: везде под заглавием сказки подзаголовок „народная сказка“ и только под „Небо пало“ никаких объяснений, непосредственно текст. Как это получилось, не могу придумать» (С. 21).

39 См. прим. 2.

40 См. текст статьи Пришвина «Плагиатор ли Ремизов?».

41 Имеется в виду концовка сказки: « — Что курица, что волк — с мозгами голова! — обличивалась лиса, и подъела все кушанье, выбралась из ямы и побежала в лес» (С. 7).

42 Цитата из первого абзаца статьи Мих. Мирова: «Русский писатель г. Алексей Ремизов успел составить себе имя. „Молодые“ вообще скоро делают себе имя...» (С. 5).